

Путешествие к Святому носу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Каретин Тамерлан

Тамерлан Каретин

Путешествие к Святому носу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69467062

SelfPub; 2023

Аннотация

Это история о путешествии друзей в сказочные места удивительного и волшебного озера Байкал. С улыбкой на лице им предстоит выйти из привычной зоны городского комфорта и проделать нелегкий и рискованный путь по красивейшим тропам и возвышенностям дикой природы. Окунитесь в этот прекрасный мир вместе с его героями и гарантирую: он вам будет еще долго снится.

Тамерлан Каретин

Путешествие к Святому носу

Самолет приземлился точно по расписанию.

Я вышел на трап и первым делом демонстративно и шумно набрал полную грудь воздуха. Немного прохладнее и намного чище, чем московский, к которому я уже давно успел привыкнуть. Хотя чище, чем в Москве, воздух был, пожалуй, везде, где мне приходилось побывать за свои неполные тридцать лет. Вполне достаточно было отъехать в лесистое близлежащее Подмосковье и искренне удивиться:

– Вау, сколько в воздухе, оказывается, может быть кислорода! И все это совсем рядом. Даже не сразу ощущается вкус выхлопных газов и тяжелых металлов...

Так что в данной ситуации несложно было определить чистоту воздуха как выделяющийся критерий.

– Ну ты это чувствуешь? – Рома слегка пихнул меня локтем в ребра и подтолкнул вперед, намекая на то, что я задерживаю остальных пассажиров.

Мы стали спускаться.

– Да, конечно, – ответил я. Но на всякий случай уточнил: – А что я должен чувствовать?

– Невероятный и незабываемый аромат отпуска, вот

что... – влез в наш импровизированный и бессмысленный диалог Саша, спускающийся следом.

На первый взгляд вокруг не было ничего необычного. Но это только на первый взгляд. Самолеты, аэропорт, сумки, куда-то спешащие люди... Немного оглянувшись и внимательно посмотрев по всем возможным сторонам, как туристы, прибывшие в далекую незнакомую страну, до этого момента о которой удавалось только читать в книжках и видеть в телепередачах, мы двинулись к центральному зданию аэропорта. Нужно было как можно быстрее заполучить свой багаж обратно.

Воздух действительно был каким-то необычным. В нем что-то было, и это почувствовали все с первого вдоха. Он был заряженным. Он мгновенно подействовал на всех лучше любого энергетика.

Мы пролетели в самолете более пяти часов, толком при этом не отдохнув. Это известно всем – самолет не создан для отдыха. Он предназначен для быстрого преодоления громадных расстояний, и только. Иногда мне кажется, что, была бы моя воля, я собрал бы всех этих людей (конструкторов), придумавших и продумавших (как они считают) кресла в самолетах экономкласса, и понемногу бы расстреливал. Каждый день. Раз за разом. День за днем. Эти сиденья просто физически не предназначены для удобства. Даже армейские табуретки могли дать им фору в уровне комфорта (конечно же, при определенных обстоятельствах). Спина болела жутко, и

это все при том условии, что я умудрился найти в самолете три соседних свободных места и улечься в более приятное горизонтальное положение.

Нет, все же эти кресла были созданы исключительно для мучений, как ни крути. В самолете было достаточно свободных мест, чтобы моему примеру последовали Рома и Саша. Оказалось, что это направление не было таким популярным у туристов в курортное время года. Самолет поднялся в воздух полупустым. Или наполовину полным. Ну дальше вы сами знаете...

Так вот. Прокрутившись в таком лежачем положении полночи, я умудрился почти заснуть лишь в один-единственный момент. Естественно, когда бортпроводники пошли по салону с тележками, опрашивая всех об обеденных предпочтениях.

– Мясо, – сквозь зубы процедил я симпатичной, но очень раздражавшей меня в данный момент девушке, поднимаясь в вертикальное положение.

– Хорошо. – Она невозмутимо кивнула, и уже через несколько секунд я пристально изучал множество разных хорошо упакованных тарелочек на своем подносе.

Заснуть после этого мне так и не удалось, и не мне одному. Рома с Сашей, судя по их красным глазам и помятым лицам, провели эту ночь примерно так же.

Но настроение у нас было весьма бодрым. В том, что человек сам способен себе его задавать, сомнений нет, а делать

это мы умели. Тем более что предвкушение отпуска и новых ощущений такому лишь способствовали.

И здесь я вынужден признаться...

Да, я это сделаю. В реальной жизни от меня вы вряд ли такого добьетесь. Такие слова я стараюсь не произносить ни себе перед зеркалом, ни перед своими друзьями, ни тем более перед незнакомыми людьми, читающими эту дребедень. Конечно, сказать, что я боюсь летать, будет не совсем правильным. Ведь дело не совсем в этом. Сам по себе полет – это очень захватывающий и интересный процесс. Это бесспорно. Я не боюсь летать, просто я не люблю высоту. О, ничего себе... Сказал... Оказалось, что писать об этом на бумаге намного проще, чем говорить словами. Бумага поистине стерпит все.

Да, мне не нравится высота. Не нравится тем, что она убийственна. Она делает больно. Просто так. Своим существованием. И она везде. Везде, где только можно. Она может появиться везде, где есть вы, и она способна тебя убить. Бах... и ты расплющен. Превращен в бесформенную котлету. Она неосязаема, но всегда может возникнуть рядом из ниоткуда. Разве это не жутко? Мне совершенно не нравится эта особенность. Эта идея сидела в моей голове на протяжении всего полета, а в сочетании с еще двумя неотъемлемыми факторами полета она становилась просто невыносима.

Первый – это скорость. Вы часто наблюдали в окно при взлете самолета, как же сильно он разгоняется? Его начи-

нает трясти, крылья ходят ходуном, будто сделаны из эластичного материала, деревья и дома мелькают мимо тебя как сумасшедшие. Эта скорость в момент развеет любую, даже малейшую, иллюзию твоего спасения в случае (не дай бог) чрезвычайного происшествия. Да, согласен, на машине тоже можно разогнаться до бешеной скорости, при которой ремни и подушки безопасности превращаются в бесполезные безделушки. В случае такой аварии водитель тоже обречен, но все равно... Все равно твердая земля под ногами (колесами) дает тебе маленькую, но вполне реальную надежду. Всякое случается, ведь ты едешь по земле. Вроде бы в твоих руках руль управления, а под ногой педаль тормоза – ты можешь успеть вывернуть в сторону и затормозить, и если не полностью, то хотя бы сбавить скорость до более маленькой. До более безопасной, уменьшив тем самым последствия столкновения. И конечно, скорее всего, на большой скорости ничего из вышеперечисленного тебя не спасет, но иллюзия и надежда на спасение сохраняются, они всегда при тебе. За них можно держаться и смело нестись вперед навстречу приключениям. В самолете ко всему сказанному добавляется еще и громадная высота... Что сразу же стирает в порошок все мысли о невероятном и чудесном спасении. В летящем самолете ничего этого нет и быть не может (для тех, кто реально смотрит на вещи). От тебя здесь совершенно ничего не зависит, а я не люблю ситуации, когда от меня ничего не зависит. И мы плавно переходим ко второму фактору – это люди.

Кто там сидит за штурвалом этой махины? Где они учились летать? Кто собирал этот самолет? Если эти инженеры-конструкторы учились в институте точно так же, как и я, то у нас большие проблемы... Хотя как в старом анекдоте: переживать не нужно – мы просто не взлетим... В любом случае, садясь в самолет, мы просто закрываем глаза и доверяем свои жизни большой группе незнакомых людей и неизвестных факторов. Я не хочу никого обвинять в некомпетентности. Нет. Ни в коем случае. Просто я их не знаю. С другой стороны, если бы пилотами стали мои друзья и знакомые, вряд ли мне от этого стало бы легче летать.

Вот так, куча различных мыслей в моей голове сводится к весьма простому результату – я не люблю высоту. Боюсь высоты и повторяю, что в реальной жизни я в этом никогда не сознаюсь. Даже не надейтесь.

Но я отвлекся от происходящего.

Спустя примерно полчаса после посадки мы получили свои чемоданы и двинулись в сторону автовокзала, изредка сверяя свой маршрут по средствам навигации. Это было очень раннее утро. Солнце только набирало высоту. Город постепенно просыпался и оживал, ветер дул нам навстречу.

– Почему местный климат называют резко континентальным? – задал я вслух вопрос, вспоминая школьные уроки географии. Такая фраза звучала в них довольно часто, но что в действительности она за собой скрывает – для меня осталось загадкой.

– Потому что он резкий, – Рома не старался задумываться над своими ответами.

– Ага, и континентальный, – парировал я.

В идиотских разговорах «ни о чем» мы имели определенный опыт и могли заниматься ими часами напролет.

Саша закатил глаза:

– На самом деле, у местного климата под названием «резко континентальный» есть определенная особенность, и, вероятнее всего, мы испытаем ее на себе. Причем по собственной воле.

Несмотря на то, что все мы учились когда-то в одном институте, Саша оставался единственным, кто так и не смог получить свой диплом. Он был исключен на третьем курсе за частые прогулы. И да, это никоим образом не влияло на его познания. Во многих вопросах он был куда просвещеннее нас, но мы всячески сопротивлялись такой демонстрации. Именно на его примере я осознал, что по своей сути высшее образование ничего не значит. Это примерно то же самое, что разница между отличниками и троечниками в школе. На бумаге, в соответствии с утвержденными критериями, одни дети, с более высокими оценками, выглядят лучше – умнее – послушнее других детей, с более низкими, но в реальной жизни система оценок сильно отличается от школьной модели. Хорошие школьные оценки не являются стопроцентным гарантом сообразительности человека во взрослой жизни, они лишь показывают некоторые личностные грани че-

ловека, весьма субъективные при столкновении с внешними бытовыми факторами. Если еще и хорошо порыться в памяти, вспомнить всех своих одноклассников и уложить их поочередно на весы жизненного успеха спустя десять-пятнадцать лет после окончания школы, боюсь, что троечники всех серьезно удивят. Наличие диплома с оценками «отлично» и реальными знаниями жизни находятся на разных берегах. Увы.

– Днем после восхода солнца здесь очень тепло. Солнце жарит, как на юге, не щадя ни стариков, ни детей, но вот после его захода за линию горизонта – приготовьте свои пуховые куртки. Еще этот постоянный ветер... – Саша прикрыл глаза и изобразил наслаждение. – В общем, привыкайте к нему. Ибо с ним придется смириться. Боюсь, он не прекратится никогда.

– Да я это и имел в виду, просто лень было все это Лехе объяснять. – Рома был непреклонен. – Резкий.

– Ага, и континентальный. – Я отставать от него не собирался. Этого не было в наших правилах.

Далее все происходящее развивалось по вполне стандартному для наших путешествий и утвержденному плану. С туповатыми улыбками на лицах и гигантского размера рюкзаками мы явились на местную автостанцию. Громким нечеловеческим ржачем разбудили кассира, диспетчера и администратора в одном лице, спокойно и умиротворенно дремавшего за полукруглым окошком с надписью «Касса», и спро-

силы: «Когда будет ближайший автобус до Усть-Баргузина?» Именно там мы заранее забронировали себе дом на весь отпуск и местного гида. Грузная сонная женщина средних лет недовольно высунулась в окошко немного больше, чем этого требовала ситуация, осмотрела нас с ног до головы и коротко ответила, чем сразу же поставила нас в легкий ступор:

– В среду. В двенадцать часов.

Это был понедельник. Ее ответ нас несколько обескуражил. Слегка. По поводу расписания автобусов мы обладали несколько другой информацией. Совсем недавно, прямо перед нашим путешествием, эти места посещала моя родная сестра, у нее подобной проблемы на данном участке путешествия не возникало. Да и ожидавший нас на месте гид, полностью согласовавший этот маршрут движения, ни о чем подобном нас не предупреждал (а следовало бы).

Но ведь это были мы... С нами подобное происходило постоянно...

– Подождите, подождите... – Саша полез к окошку к уже готовившейся к продолжению сна кассирше за определенными разъяснениями. – Как это в среду? Сегодня же только понедельник?

Женщина вновь одарила нас своим «гостеприимным» взглядом и, вероятнее всего, в последний момент передумав, решила сменить выработанную годами непосильного труда на этом рабочем месте манеру общения с недопонимающими людьми с гнева на милость, поняв, что от нас так легко

избавиться не получится:

– Мальчики, я не знаю. Согласно нашему расписанию, ближайшая нужная вам маршрутка будет только в среду, в 12:00. Можете ознакомиться сами, я ничего не придумываю, но если появляются дополнительные машины, ну или частники кого берут, то вся нужная информация вывешивается на эту стенку.

Она указала нам на противоположную стену, над которой красовалась надпись «Расписание».

На этих словах женщина-кассир четко дала понять, что диалог окончен, громко захлопнув свое окошко.

– Похоже, что ее лимит вежливости исчерпан, – тихо пошутил Рома, опасаясь, что, не дай бог, она это услышит.

Мы дружно подошли к спасительному расписанию и внимательно его изучили.

– Да, все верно, тетка права, – подытожил Саша. – Маршрутка ходит два раза – в среду и в пятницу. В 12:00... И все...

– Ага, как в анекдоте про трехразовое питание, – заметил я.

– Да, вот уж мы рашен туристы, даже до места доехать спокойно не можем, – посмеялся Рома.

Больше всего в нашей компании мне нравилась именно эта черта – все проблемы решались с юмором. Конечно, это была небольшая трудность, но все же. Там, где, по идее, нужно было переживать и плакать, мы старались смеяться. Смех совершенно не способствовал ускорению решения, ни кап-

ли, но он облегчал его принятие. Да и участь в целом. Всегда. Не знаю, как было у других, у нас вот так. Сломал ногу – плачешь и ржешь одновременно. Плачешь, что больно, ржешь, что мудака неуклюжий. Ведь, вероятнее всего, ты перед этим кричал: «Смотрите, как умею...», а все смотрели. Все. Абсолютно, потому что все друзья такие же. Несут тебя в больницу, сочувствуют, переживают и ржут. Переживают, что тебе больно, и ржут, что ты мудака неуклюжий. Так что так.

Вот и первая проблема себя обозначила. Позвонили нашему гиду – не берет трубку. Как-никак, а было часов пять утра, пока все предсказуемо. Немного ждем и повторяем всю процедуру, эффект сохраняется. Гид либо крепко спит по ночам, либо выключает звук.

Пришлось звонить сестре. Делать этого очень не хотелось, ведь из-за разницы во времени у нее вообще была ночь, но выбора не было. Остальные ребята настояли. Оставался еще вариант поступить проще – взять такси. Но путь был неблизким и, что самое важное, недешевым, поэтому потратить кругленькую сумму денег на такое удобство в самом начале путешествия казалось сверхрасщорочительством и не входило в наши планы/бюджеты. Весь отдых изначально был запланирован как экономичный (других я уже и не припомню). Денег особо ни у кого не водилось, все сбережения ушли на далеко не самый дешевый билет на самолет.

– Алло, – раздался в трубке где-то за тысячи километров

от меня сонный голос сестры.

– Леночек, привет... – я не спеша озвучил ей суть возникшей проблемы.

После непродолжительной паузы (видно, никак не могла понять, что происходит) она сказала:

– Я сейчас посмотрю, где-то оставался номер водителя маршрутки, на которой мы добирались.

И положила трубку, а я стоял и думал, проснулась ли она вообще. А то подумает, что все приснилось. У меня такое бывает, а мы все-таки родственники. Брат и сестра как-никак. Да и время раннее.

В общем, стали ждать. Уселись на скамейку возле вокзала, сложили в кучу рюкзаки, купили в соседнем кафе по чашке кофе и «Сникерсы». Не успели приступить к завтраку, а пацаны даже не успели одарить меня ожидающе-раздражающим взглядом, как от нее пришло сообщение с номером и именем водителя. Сестра не подвела, впрочем, как всегда.

Первый порог был пройден, приключения продолжались.

Несмотря на раннее время, водитель взял трубку на втором гудке. Это был частник. Мы забронировали три сидячих места и багаж. Ехать предстояло около пяти часов. Отправление с вокзала было назначено на девять часов утра понедельника. Этого понедельника.

– Ну все. Жизнь налаживается. Предлагаю по пивку. – Роман не был любителем тянуть кота за яйца. – Отпуск все-таки.

Все охотно согласились.

Возле ближайшего к вокзалу продуктового магазина в группе из четырех-пяти человек бомжеватого вида назревала драка. Судя по их состоянию, они боролись со своей трезвостью всю ночь и победили, не оставив ей ни единого шанса. Опытные, так сказать, в этом деле бойцы. В тот момент, когда наша компания проходила мимо, они остановились и уставились дружно на нас.

– Как будто и не уезжали, – негромко процедил я для ушей своих компаньонов.

– И не говори. У меня вообще дежавю – вчера, когда ходил из дома за хлебом, наблюдал аналогичную картину, – ответил Рома.

– А ты присмотрись, может, это даже они были?

– Ага, в самолете с нами прилетели. Собрали у подъезда денег на портвейн и на авиаперелет.

– Так бы мы выглядели к среде, если бы не нашли номер водителя, – добавил Саша. – Так что не судите их строго, они, может быть, тоже просто ждут маршрутку.

Стоило нам зайти внутрь магазина, как их возня на улице сразу же возобновилась.

Разжившись холодным пивом и чипсами, мы направились на местную набережную. Благо она располагалась в нескольких сотнях метров от магазина, прямо за автостанцией, и была утыкана сплошь деревянными лавочками. Солнце к этому моменту порядком разыгралось и пекло не хуже, чем в

средней полосе России посреди жаркого летнего дня.

За час до предполагаемого отправления со мною связалась дочь нашего гида. Собственно, через нее мы и организовывали эту поездку. Она оказалась недалеко от автостанции и изъявила желание подойти пообщаться. Наше местоположение к этому моменту не изменилось ни на сантиметр – лавка, солнце, набережная. Изменениям подвергалась только близстоящая мусорка, равномерно наполняющаяся пустеющей пивной тарой. Признаюсь, что в один момент, по схеме жанра и согласно нашей везучести, предполагал, что прямо перед выездом нас задержат сотрудники правоохранительных органов за распитие алкогольной продукции в неподобающем месте. Мы были предельно бдительны и следили за всеми приближающимися и проходящими мимо нашего пункта отдыха личностями. К нашему безграничному удивлению и радости, этого не произошло.

Спустя немного времени Саяна, так звали девушку, нашла нас. Спокойная, неглупая девушка бурятской внешности подробно и в ярких красках описала местные туры и достопримечательности, которые нам обязательно необходимо посетить. В частности, поступило предложение не задерживаться долго на одном месте, а отправиться в туристический лагерь на песчаном берегу озера с невероятно красивым пляжем, который, насколько я понял, ей и принадлежал, и попробовать местную кухню. Мы обещали подумать и сообщить, поскольку запланированных мероприятий на ближайшие дни

уже было достаточно. На том и разошлись. Она не спеша отправилась вдоль набережной дальше, в такт качающимся на ветру деревьям и кустам, а мы – в сторону нашей уже ставшей родной автостанции, ибо время начинало порядком поджимать. Больше я эту девушку никогда не видел, но пообещал себе если не в этот, то обязательно в следующий раз добраться до описанных ею волшебных мест.

– Так вас двое? – спросил водитель, привязывая к крыше праворульного японского минивэна наши рюкзаки.

Никаких особых приспособлений для перевозки багажа данная конструкция не предусматривала. Только моток толстой веревки и резинку с крюками на концах. И кучу рюкзаков утомленных пассажиров... Спустя несколько минут на крыше автомобиля образовалась гора из сумок и рюкзаков, по объему совершенно не уступающая габаритам самой машины. Холм из багажа продолжал расти и возвышаться, никого это совершенно не смущало. Все пассажиры лениво наблюдали за данным процессом. Здесь так ездили все.

– С хера двое-то, если нас трое? – проговорил Рома. Это должно было случиться, слишком уж гладко все двигалось дальше. – Мы бронировали три сидячих места.

– Ну три, так три. Чего вы нервничаете? Сейчас все проверим, я всегда записываю, – даже не глядя в нашу сторону, говорил водитель, и его совершенно не смутило, что перед ним стояли три живых человека, он привязывал три рюкзака, а мест они забронировали всего два.

Наконец он закончил комплектование багажа, спрыгнул с машины, осторожно достал из заднего кармана смятый листок бумаги, не спеша развернул его и назвал мой номер телефона, с которого мы ему звонили три часа назад. Я кивнул. Дальше он назвал мою фамилию. Я кивнул снова.

– Все верно?

Я кивнул третий и совершенно лишний в данной ситуации раз.

– Ну вот... два места. Я же говорил, что все записываю.

Я чуть не упал на задницу, не понимая, что делать – плакать или смеяться.

– Ну ладно вам, не переживайте, – поторопился исправить ситуацию водитель, увидев наши негодующие выражения лиц. – Найдем мы вам третье место. Может быть, сейчас половина пассажиров и не придет вовсе, такое часто бывает.

– Наверху с рюкзаками? – поинтересовался Рома.

– Там только по желанию, – ответил водитель и быстро удалился.

– Да ладно, сейчас скинемся, кто поедет, третий к среде подъедет, а пока вон с алкашами у магазина потусуется, – добавил я, глядя в спину удаляющемуся водителю.

Мы быстро переглянулись. Приключения продолжались.

Разместившись в салоне минивэна, мы поняли, почему водитель особо не переживал насчет нехватки сидячих мест и лишнего человека. Видимого разграничения между задними сиденьями не наблюдалось, и при большом желании сза-

ди можно было укомплектовать и утрамбовать человек пять. У водителя такое желание имелось. У нас нет, но выхода не было. Пришли, естественно, все пассажиры. Мы забились сзади как можно плотнее друг к другу и продолжали получать удовольствие от происходящего. За все время пути, а это ни много ни мало пять часов, мне удалось выпрямить ноги лишь два раза – во время остановок в туалет. Асфальтовая дорога закончилась сразу при выезде из города, а дальше японская надежная машина понеслась по песчано-щебневой насыпи с абсолютно той же скоростью. Отсутствие дороги на протяжении более 200 км до точки назначения нашего водителя несколько не смущало. Пыль за машиной поднималась столбом, а мелкие камни, выскакивающие из-под колес, бились о корпус автомобиля с такой частотой, что иногда мне казалось, будто по нам стреляли автоматными очередями и довольно метко.

Есть на первой остановке мы не стали – слишком уж сомнительно выглядело местное заведение с громким названием «Кафе». В отличие от водителя, который сидел радостно у ближайшего окна и быстро уплетал что-то из принесенной ему тарелки, изредка улыбаясь и обмениваясь фразами с севшим рядом официантом.

– У нас такие заведения называют «дристушками», – подытожил я, наблюдая за этой картиной. К тому же наши переполненные пивом и растрясенные желудки больше нуждались в туалете, нежели в еде.

Окружающая природа тем временем все больше и больше начинала удивлять. Девственные леса, чистый воздух, холмистая местность – все это мы видели неоднократно, но с каждым новым километром все вокруг становилось еще больше и еще красивее.

– О, смотрите, там орел или ястреб летает, – указал я пальцем в то место, где прямо над нашими головами кружилась грозная птица, размах крыльев которой поистине поражал. По сравнению с ней подмосковные ястребы выглядели птенчиками.

– Саню за ногу придержи, а то с хорьком перепутает и в гнездо унесет, – Рома был бы не Ромой, упуская такие возможности подшутить над меньшим своим другом.

К слову сказать, разница между Ромой и Сашей на тот момент была около тридцати килограммов, в пользу, естественно, первого. Шутки про вес в нашей компании занимали совершенно особую нишу, они были одними из самых ключевых. Причем не имело никакого значения, в плюсе ты или в минусе. Напрашивается шутка про вес – обязательно озвучь. Только направь ее в адрес нужного человека, в зависимости от содержания, а такой человек среди нас обязательно найдется.

Спустя немного времени мы снова плотненько погрузились в машину и двинулись дальше в путь по ухабистой насыпи, которую местные именовали громким словом «дорога».

По версии водителя, именно благодаря отсутствию полноценного асфальтового покрытия этим лесам удалось сохранить свою первозданную чистоту. Я не мог с ним не согласиться. Ведь добраться до этих мест было не самым легким и приятным занятием. Хоть на личном автомобиле, хоть на общественном транспорте. Любители «ленивого» отдыха обходили их стороной.

Ближе к обеду объявился и наш гид. Ну не прямо он, конечно. С его номера с нами связалась его супруга для уточнения времени нашего прибытия.

– Извините, а какая остановка будет ближайшей возле 12 дома по улице Комсомольской? – спросил Саша у водителя, чтобы сразу сориентироваться, сколько нам придется плестись пешком. Дорожная усталость начинала сказываться. Поскорее хотелось пообедать человеческой едой, принять душ и полежать на просторной и мягкой кровати.

– Ближайшая будет у калитки дома номер 12 по улице Комсомольской, – ответил водитель, взглянув в зеркало заднего вида. – У нас нет остановок, говорите дом, и я вас там высаживаю. Когда соберетесь обратно – поступаете точно так же: говорите дом, и я вас там забираю.

– Гуд, – сказал Саша, обрадовавшись, что идти больше никуда не придется.

Территория дома номер 12 по вышеуказанной улице была полностью огорожена высоким деревянным забором, над которым возвышалось несколько крыш отдельно стоящих по-

строек.

У калитки нас встретил доброжелательный гид Виталий, который не сильно переживал насчет нашего опоздания и панических утренних звонков. Добрались, и молодцы. Он был бурятом. О чем нам было известно и так, но его жена за чем-то в процессе телефонного разговора акцентировала на этом внимание. Со смехом. Вероятно, это был такой своеобразный семейный юмор. Не знаю, я не вникал. Я знал о нем совсем немного, но с первого же взгляда было понятно, что перед нами человек порядочный и добрый. Я слышал, что раньше он был бизнесменом в каком-то мегаполисе. И вполне себе обеспеченным. Но в один прекрасный момент решил, что с него хватит. Видимо, устал. Продал все, что имел, и перебрался в родные края – в глухую деревушку на берегу гигантского чистейшего озера. Жить здесь и получать от работы удовольствие было его мечтой, и он ее осуществил. Именно к такой жизни у него лежала душа, а к бизнесу в большом городе не лежала, чтобы понять это, потребовались годы. Здесь он был свободен. Если это все правда – похвально.

Такое бывает. Я его понимаю. Даже сам иногда задумываюсь так сделать. Хороший взгляд на жизнь, но я отложу эту идею на более поздние годы. Пока еще не готов.

На территории за забором расположились два здания – дом хозяина и гостевой. Снаружи ничего особенного. Все ровно и аккуратно. Только много серого цвета. Серые дома,

серый забор, серая деревяня. Несколько построек находились на стадии строительства – это новая баня и второй гостевой дом. Видимо, он действительно был неплохим бизнесменом – даже здесь его бизнес расширился. На небольшом удалении от первого дома был установлен сельский туалет. Гостевой сельский туалет.

Сразу за забором, радостно мяукая, гостей встретил хозяйский котенок, игриво бегая вокруг и бросаясь на топчущие его территорию уставшие человеческие ноги. Он явно считал себя здесь главным. Его неуклюжая маленькая волосатая задница без устали мелькала возле новых гостей.

– Здравствуйте, здравствуйте. Скажу сразу главное правило проживания в нашем доме, – сказала строго хозяйка, встретив нас с порога. – Котенка не кормить! Ни при каких условиях. Как бы он вас ни просил!

Мы улыбнулись и дружно закивали.

«Да какой котенок, самим бы поесть», – подумал я.

– Обед будет через полчаса, – продолжила она, прочитав мои мысли. – Пока располагайтесь.

Сами по себе мы были довольно неприхотливы. Наш дом изнутри оказался вполне уютным. Ничего лишнего, но и все, что требовалось, находилось на своих местах. В коридоре между двумя комнатами располагался стол на четверых человек. Здесь была полностью оборудована кухня. Вернее, место для приема пищи. Поскольку готовить сами мы не собирались. Все аккуратно и чисто.

Пройдя дальше и осмотрев комнаты, мы покидали вещи в одной из них прямо на пол и вновь собрались в коридоре-кухне. Назревал конфликт. Точнее, легкие разногласия. Комнат было две. В одной из них стояли две кровати, во второй – одна. Да, мы были неприхотливы и знали друг друга достаточно хорошо, но спать каждый хотел в отдельной комнате. Никаких уступок не ожидалось.

– Это моя комната, я должен жить один, – сразу заявил Рома.

– С какого перепугу? – одновременно ответили мы с Сашей, даже не удивившись услышанному заявлению.

– Не знаю. Придумайте сами. – Рома не сильно старался с изобретением доводов, как маленький ребенок, увидевший в магазине дорогую игрушку, – «хочу и все». И в слезы, а родители думай, как его теперь успокоить. Но мы не были его родителями.

– Пошел-ка ты, Роман Викторович, на хрен, я тоже хочу жить один, – прервал его я.

– И я не откажусь, – вставил Саша.

После непродолжительных споров было решено тянуть спички. По-мужски и вполне справедливо. Одна короткая, две длинные. Кто вытягивает короткую – живет один. Приговор обжалованию не подлежит. С самого начала мы договорились решать все спорные вопросы именно таким непредвзятым способом, полагаясь, исключительно на удачу, или решением большинства голосов (что в данном случае было

нереально) – этот метод особенно хорош в тяжелых и критических ситуациях, исключает дальнейшие споры и возмущения проигравшего меньшинства. Таким образом хорошо поддерживается дисциплина в отряде, коим мы, безусловно, являлись.

В общем, вытянули мы спички и пошли с Сашей раскладывать вещи в одну комнату. К нашему большому сожалению, выиграл Рома. Не знаю, как у него это получилось. Или «повучивось», как он любит передразнивать мое западающее произношение буквы «л». Значит, действительно хотел жить один больше всех. Мечты, как известно, сбываются.

И вот наступил долгожданный момент – обед. На столе стояло несколько кастрюль и стопка тарелок. Дурманящий аромат разносился по всему дому. Мы уселись за стол и быстро разлили по тарелкам только что сваренный суп. Пар из кастрюли медленно поднимался над столом, кружился над нашими головами и исчезал, заставляя наши животы урчать в предвкушении.

– Сейчас бы еще по пятьдесят грамм беленькой, – заметил я, хватаясь за ложку.

– Рано еще показывать всем свой алкоголизм, Алексей, – не оставил предложение без внимания Рома, хотя я знал – он хотел выпить не меньше.

Мы накинулись на обед и в считанные минуты разобрались с первым и вторым. Саша еще вполне спокойно продолжал уплетать десерт – сладкие пирожки с чаем. Я смог осилить

лишь один, и то больше из уважения к хозяйке. Было невероятно вкусно, но места в животе больше не оставалось. Рома к выпечке даже не прикоснулся.

Аналогичная картина наблюдалась при каждом приеме пищи на протяжении всей поездки. Рома был самым габаритным. Да что это я, в самом деле... Рома был самым жирным. Саша – самым худым. Я оказался посередине. А по количеству съеденного шкала менялась ровно наоборот. Саша ел больше всех, Рома – меньше, а я и здесь умудрялся удержаться в золотой середине. Не люблю крайности.

– У меня просто высокий обмен веществ, – утверждал Саша, уплетая очередной пирожок.

– Глисты это называется, а не высокий обмен веществ, – был в своем репертуаре Роман. – Не забудь провериться по приезде домой.

Но факт оставался фактом, как в Саше помещалось столько еды, для нас являлось загадкой.

Вечер окончился вполне спокойно. Душ, отдых, ужин, сбор вещей для завтрашней вылазки и поход в магазин. Не обошлось без пива, но на то он и отпуск.

День первый.

Проснулись рано. Сытно позавтракали и побросали вещи в заранее приготовленную машину. У Виталия тоже оказался японский праворукий минивэн. Доминирование этих машин при эксплуатации в данных условиях было непоколебимым. Плюс доступность. В местных местах.

– Мальчишки, возьмите с собой в дорогу пирожки. Я утром испекла. И сок – по дороге перекусите, – протянула нам завязанный пакет супруга Виталия.

– Нет-нет, спасибо. Не стоило, – попытались дружно отказать мы.

– Возьмите, возьмите, не пожалеете. Уж поверьте мне, дорога трудная.

После непродолжительного пассивного сопротивления мы согласились. В наших рюкзаках было достаточно разложено магазинных полуфабрикатов. Хотя я не любитель отказываться от вкусной еды, но нормы приличия не позволяют вести себя иначе.

И вот мы выдвинулись в путь, предвкушая довольно сомнительные радости туристического отдыха в виде мозолистых ног и уставших спин.

После двухчасовой трясушей езды, минуя охраняемые ворота природного заповедника, мы оказались на месте. Если быть точным – на старте. Выгрузились, перекурили, разделили вещи по справедливости. Хотя о какой справедливости могла идти речь, когда ответственным за это был назначен Рома. Самовыдвиженец и самоназначенец.

Всем ясно, что ни о какой, но он сказал, что все по-честному.

Вот мне и достались, помимо рюкзака с различными теплыми вещами, еще четырнадцать литров питьевой воды. Ее брали с большим запасом из расчета того, что на вершине

горы придется остаться ночевать и готовить ужин и завтрак.

– Там наверху есть источник пресной чистой воды, – сообщил нам гид по дороге. – Но он иногда пересыхает, так что рассчитывайте в первую очередь только на свои запасы, а там, если что, будет приятный бонус.

Мы рассчитали, как смогли. Хреновы расчетчики.

Но в процессе ходьбы я выяснил у своей ноши существенный плюс – объем воды постоянно уменьшался. Небо было ясное, солнце светило нещадно. Всех все время мучила жажда.

Гид быстро провел крайний инструктаж (он подниматься на гору с нами не собирался), начертив план следования веткой на песке.

– К сожалению, карту я забыл дома, – добавил он, – но вы не должны потеряться. Там дорога-то одна.

Нам бы его уверенность. Мой жизненный опыт всегда противоречил подобным высказываниям, поэтому я отнесся к его словам довольно скептически.

– Завтра в шесть часов вечера я буду ждать вас на этом же месте, поэтому все рассчитайте и сильно не опаздывайте. Давайте сверим часы...

Мы кивнули, сверили и сфотографировались на дорожку втроем с полным обмундированием. Фотография получилась превосходной – светлой, яркой, у всех на лицах улыбки.

И мы выдвинулись в путь...

– Если мы погибнем в этом походе и нас найдут спустя

много дней, надеюсь, что в раздел трагических происшествий местной газеты поместят именно эту фотографию, – добавил я, показывая ее остальным по дороге.

– Да, клевая фотка, – подтвердил Саша.

– Даже у тебя глаза достаточно широко открыты, а то издалека вас с Виталием только по одежде отличить можно, но он-то бурят, а ты зачем-то русским себя постоянно называешь, – адресовал мне Рома очередную шутку. – А так да, фотка хорошая.

Маршрут нашего следования в Забайкальском национальном парке назывался «Тропа испытаний», о чем свидетельствовала повстречавшаяся нам в начале пути табличка. Почему именно такое название, нам удалось познать целиком и полностью на себе. Но позже.

Тропа тянулась и начиналась с небольшого подъема через довольно плотный лесной массив, где для удобства передвижения каждый вырубил себе по большой и толстой палке. Конец, упирающийся в землю, как положено, заострили.

– Дай мне свой нож, я тоже себе заострю, – сказал Рома.

– Хм... У тебя же свой мегакрутой из марсианской стали за шесть косарей есть, – обратил внимание Саша, напомнив ему, как он полчаса по дороге в машине рекламировал и показывал всем свою недешевую обновку.

– Да как-то жалко. Вдруг испортится. У него вон какое лезвие аккуратное и тонкое.

Сжалились. Выдали ему орудие труда.

Дальнейшее движение мы начали очень бодро. На некоторых участках с небольшим углом подъема умудрялись даже устраивать гонки, двигаясь легкими перебежками. Прошлись, перекурили, посмеялись, двинулись дальше. Впереди перед нашими глазами виднелась вершина горы. Точка нашего финиша, куда мы следовали как зачарованные. Пейзажи, окружавшие нас, менялись один за другим с невероятной скоростью. Трава под ногами исчезла, ее заменили песок и камни. Угол подъема становился все больше и больше. С каждым пройденным метром количество каменных глыб и их габариты увеличивались в геометрической прогрессии. Лес редел прямо на глазах. Постепенно сквозь него все сильнее и сильнее начинала просвечивать голубая необъятная гладь самого большого на свете пресного озера – Байкала. Его дальняя граница была настолько размыта, что сверкающая на свету поверхность плавно переходила в небо. Оборачиваясь и глядя на его многовековое величие и неопишемую красоту, мы восхищались. Восхищались его могуществом. Его нереальностью. Казалось, что о таком можно прочесть только в хорошо написанных сказках, но нет же, вот оно, совсем рядом. Можно рукой дотянуться.

Первые капли еще свежего пота появлялись на лбу, стекали и пропитывали одежду. С каждым пройденным метром мы становились ближе к солнцу, которое продолжало поливать нас своими лучами. Ясное, чистое небо, ни единого облачка. Ветер теплый, летний, но временами довольно силь-

ный и порывистый. Краски окружающего мира с каждым шагом, с каждым вдохом лишь крепчали и усиливались. Мир вокруг становился насыщеннее. Все меньше почвы, все больше открытых корней, намертво обхвативших куски каменных пород, торчащих из земли, чтобы удержать ствол дерева от напора непредсказуемого ветра. Дать ему возможность и дальше тянуться вверх, к этому живительному, но беспощадному солнцу. Да природа оставалась такой же прекрасной в своем разнообразии, но становилась все более суровой.

Час сменялся часом, а вершина горы визуально не приблизилась ни на сантиметр. Она продолжала наблюдать за нами с высоты своего роста. За тремя жалкими людишками, беспричинно пытающимися вскарабкаться прямо ей на голову. И, как оказалось, силы этих людишек были совсем не безграничны и со временем стали иссякать.

Спустя несколько часов с начала нашей «Тропы испытаний», когда мы стали больше походить на потных и грязных строителей, чем на туристов-любителей, а деревья на пути встречались в виде исключения, ибо их полностью вытеснили камни и колючие сухие кустарники, навстречу нам легкими воздушными шагами спускалась девушка. Аккуратное, чистое, светлое создание. Словно ангел с небес. Она будто порхала над гигантскими камнями, едва касаясь их своими тонкими и хрупкими ножками. Наше внутреннее мужское эго дало о себе знать незамедлительно – в один миг мы вос-

прянули духом, почувствовав небывалый прилив сил. Сделали сильные, мужественные лица, втянули животы, выпрямили спины и пооткрывали свои вторые дыхания.

Она выглядела так легко, словно просто прогуливалась вечером по парку. Вероятнее всего, по нашим раскрасневшимся и запыхавшимся мордам было ясно, что нам немного тяжело. Самую малость. Но мы старались не уронить свою честь и не подавать виду. Поздоровавшись с неожиданной путницей, мы поинтересовались о наличии наверху источника воды, так как наши запасы таяли просто на глазах.

– Да я до самого верха и не поднималась, только до креста. Говорят, это середина пути. Поэтому извините, не в курсе, – ответила она так же легко и беззаботно, рассматривая нас.

«Половина, половина пути еще даже не пройдена...» – звучала мысль в моей голове.

Попрощавшись, девушка продолжила спуск.

– Да не переживайте, она просто налегке поднималась, смотрите, даже рюкзака нет, – сказал Рома, глядя девушке вслед, ощущая наше негодование.

– Бесит аж, – пробурчал Саша, и, вывесив языки набок от усталости, мы продолжили свое восхождение.

Спустя некоторое время кто-то вспомнил о переданных нам в дорогу пирожках и апельсиновом соке. Решено было устроить привал. На свежем воздухе под ноющее чувство всех мышц они оказались невероятно вкусными. За такие пирожки можно было и подраться, а когда мы узнали, что их

число не было кратным трем – это чуть не произошло. Но в итоге разошлись по-мирному. Друзья все-таки.

– Мы еще и брать их не хотели, – заметил Рома.

– Да нас практически заставили это сделать, – сказал Саша, дожевывая с аппетитом последний пирожок. – И хорошо.

Спустя час мы наконец преодолели психологический барьер в виде середины пути – добрались до креста. Наиболее подходящее слово для описания открывшейся картины – «невероятно». На небольшом пятаке на фоне гладкого,

но все так же бесконечного и необъятного озера из земли возвышался двухметровый деревянный православный крест. Вкопанный в жесткую почву и обложенный у основания камнями, он освящал собой идеальный полукруг береговой линии, отделяющей зеленую часть заповедника от голубой. Кто возвел его здесь – осталось загадкой. Туда, куда мы, здоровые молодые парни, добрались с трудом практически налегке (рюкзаки по сравнению с досками и бревнами можно не считать), как нам тогда казалось, из последних сил, некие неизвестные паломники сумели донести «свой крест» в прямом смысле на руках. Этот символ веры на таком рубеже и получасовой отдых вдохнули в наши мышцы новые силы.

Небольшая фотосессия, и «хоббиты» двинулись в путь. Дальше, к неприступной вершине.

Спустя еще час паузы между нашими остановками заметно сократились. Ноги забились и опухли, а одежда пропиталась потом насквозь. Не осталось ни одной сухой ниточки. Мы приняли решение провести мини-совещание. Питьевая вода продолжала убывать с катастрофической скоростью, а оказаться на вершине обессиленными и обезвоженными никто не хотел. Это проклятая вершина горы (конечная точка нашего путешествия) визуально не приблизилась ни на метр, скалы, разделяющие нас, сменялись на новые. Одна за одной, одна за одной, не давая нам оценить масштабы оставшегося пути. Это все начинало шекотать нервы.

– Судя по словам девушки, крест – это половина пути. Но

как ей можно доверять, если сама она выше не поднималась? И что мы будем делать, если источник воды наверху пересох? – озвучил я актуальные проблемы, показав на висевшую на моем рюкзаке уже пустую пятилитровую бутылку из-под воды. Вторая такая же, лежавшая в рюкзаке, подходила к концу. Мозоли на гудящих ногах, казалось, начинали проступать прямо через ботинки. В висках пульсировала кровь. Пот тек, не останавливаясь. Солнце все так же продолжало палить сверху, но со временем его интенсивность несколько ослабла, зато усилился ветер. Да, здесь была его стихия. Все происходящее способствовало постоянной неутолимой жажде. Больше половины запасов воды было израсходовано, и становилось непонятно, хватит ли нам оставшихся на подъем, не говоря уже о планируемом ужине (гречка, которую тоже нужно варить в воде).

Никакого универсального решения в наши светлые головы не пришло. Мы оказались здесь, потому что способны рисковать и преодолевать себя, поэтому, немного поболтав, собрались и двинулись дальше.

В будущем я много раз вспоминал и анализировал наше путешествие. Скажу сразу (осторожно, спойлер) – выживут все. Хотя в тот момент я в этом не был уверен. Несколько раз меня посещала мысль взять камень и тукнуть им Рому по голове, чтобы нам с Саней хватило воды, но потом меня отпускало (вероятно, его она посетила гораздо раньше, еще в самом начале пути, поэтому он все время поднимался за-

мыкающим). Хотя подобные мысли кружатся в моей голове с самого первого дня знакомства с ним. И не у меня одного. Те, кому посчастливилось зваться его друзьями, меня поймут и не осудят...

Так вот, анализируя все это, я пришел к выводу, что мы совершили кучу нелепейших любительских ошибок в ходе организации этого похода, поэтому для нас «Тропа испытаний» превратилась в «ТРОПУ ИСПЫТАНИЙ». Существенным недочетом были наши лишние ненужные вещи, которые с каждым часом просто тяжелели на глазах. Лишнее, ненужное, бесполезное.

Например, коньяк... Согласен, не совсем лишнее, но его нужно было перелить из стеклянной бутылки в пластиковую тару.

Или стальная тренога для котелка, да и сам котелок... лишние.

Топор... хм...

Гитара, мать ее, мы тащили с собой ГИТАРУ. Конечно, возле костра под тот же коньячок она незаменима. Но нести ее на спине (спасибо за это Роману) совместно с рюкзаком, а уж тем более взбираться практически по вертикальным каменным стенам было весьма неудобно. Помимо своего веса и объема, она постоянно за все цеплялась и билась то об камни, то об Рому.

– Ром, это там не моя гитара ударилась обо что-то? – поинтересовался я, не оборачиваясь, а глядя исключительно себе

под ноги, услышав в очередной раз звук глухого удара. Вряд ли он расчехлил ее, чтобы сыграть нам. Очень вряд ли.

– Да. Это она, – слышал я ответ.

– Ну ладно, я так просто поинтересовался.

– Как только приеду домой – первым делом выброшу свою на помойку, – процедил он сквозь зубы, пыхтя от усталости. – Теперь я гитары ненавижу...

Хоть мне и было жалко свой любимый музыкальный инструмент, но в тот момент я полностью разделял его желание. В общем, имей я машину времени, с радостью бы вернулся в день сборов и существенно облегчил бы свой рюкзак. Ведь здесь, наверху, каждый лишний грамм тянул вниз, как килограмм. Но, к сожалению, что-то предвидеть и думать заранее мы так и не научились. Всегда смотреть наперед не было нашим жизненным кредо, скорее наоборот. Поэтому только опыт, тяжелый, болезненный, но свой. Мы его все время для чего-то копим. Когда же он пригодится? Непонятно.

Идеально круглый солнечный шар немного покраснел и приблизился к линии горизонта. Температура начала стремительно падать, и теплые вещи в рюкзаках оказались не таким уж бесполезным грузом. Ветер из теплого, летнего превратился в холодный, насквозь пронизывающий. Прямо до костей, а отсыревшие от пота вещи так и не успели высохнуть. Пришлось немного переодеться и утеплиться, дабы не заболеть. Хорошо хоть, к этому оказались готовы. Не зря Са-

ня объяснял нам значение резко континентального климата. Ой не зря.

Но местность оказалась не такой уж и безлюдной. Таких любителей путешествий в округе было предостаточно. Несколько раз на голых камнях мы встречали иностранцев. Я столько их в Москве за месяц не вижу, сколько получилось повидать в этих краях. Они все спускались, а мы поднимались.

– Хай...

– Хай...

А выяснить что-то по поводу наличия наверху воды у них так и не получилось. На моем рюкзаке уже висели две пустые пятилитровые баклажки.

Деревья и кустарники на пути исчезли полностью. Лишь камни. Камни. Камни. Большие. Средние. Маленькие. Опять большие. Опять средние. Опять маленькие. Иной раз на них приходилось взбираться в прямом смысле этого слова.

Но были на нашем пути и приятные моменты. Когда мы оборачивались, нашему взору представала картина целого мира: леса, вода, холмы, залив – все как на ладони. С каждым тяжелым шагом мы становились все выше, а видно нам было все больше. Поистине потрясающее зрелище невероятной красоты захватывало дыхание. Мы зачарованно смотрели назад, на тот путь, что уже прошли, и раздраженно вперед, туда, где нам еще предстояло оказаться, чтобы снова смотреть назад с еще большим восторгом.

Но движение продолжалось. Ноги уже давно перестали

болеть. Они просто онемели, я их не чувствовал. От слова «совсем». Вся боль радостно переместилась на новую территорию – поясницу. Она ныла так, что снимать рюкзак на перекурах стало невыносимо сложно. И не только мне. В связи с чем отдыхали мы стоя, облокотившись на вырубленные в начале дня палки, служившие нам верой и правдой на протяжении всего пути.

Но эта ненавистная вершина все никак не приближалась. Она держалась на расстоянии и продолжала смеяться нам в лица: «Вы не дойдете, я все так же далеко».

Я смотрел прямо на нее, оборачивался и вновь смотрел на нее. Было совершенно неясно, как после семи часов пути и истоптанных за спиной километров камней, лесов и песка вершина умудрялась оставаться перед нами на том же месте. Мистика, да и только. Но ничего мистического в этом не было, и мозг понимал, что все это лишь визуальный эффект. Довольно скоро его действие должно закончиться. Это наша «ТРОПА ИСПЫТАНИЙ», мы выбрали ее сами (в тот момент это заставило меня задуматься о нашей адекватности), и она нас испытывала. Нас, городских ребят, не привыкших к таким специфическим нагрузкам, но очень любивших подобные приключения.

Но как бы там ни было, мы приближались к вершине. Шаг за шагом, вдох за вдохом.

– Вон, вон, смотрите, наверху привязан яркий пакет или тряпка, может, его специально там оставили? Это метка –

место, где находится источник воды, – Рома указал в сторону поднимающегося на несколько метров над нашими головами выступа. Где на вершине к торчащей палке был привязан розовый пакет, яростно болтавшийся из стороны в сторону на ветру.

Я не без труда снял со спины рюкзак, лямки которого изрядно натерли плечи, и под ними высыпал целый рой каких-то маленьких прыщей. Видимо, от постоянного пота пошло раздражение или еще что-то, но ровно под лялками и ни на сантиметр в сторону. Я залез на этот могучий камень, который можно было и просто обойти стороной, и (естественно) ничего, кроме палки с пакетом, там не обнаружил. Просто очередная безжизненная глыба и обыкновенный пакет из супермаркета, занесенный сюда сильным ветром и зацепившийся за колючую ветку пересохшего кустарника. Да уж, в критической ситуации человеческий мозг способен поверить в любую небылицу, даже в то, что посередине скалы может быть волшебный водопад с чистой и освежающей водой.

В нашем коллективе назревало очередное совещание. Мы завалились на камни и некоторое время просто молча лежали в полной тишине. Никаких лишних звуков – ни пения птиц, ни шума шоссе, ни волн, бьющихся о берег. Ничего... Полнейшая, мертвая, пугающая тишина. Лишь легкое завывание ветра, временами напоминающего о своем постоянном присутствии. А внутри нас только усталость, физиче-

ская и моральная, растекающаяся по всему телу от ног до головы.

– Итак... подводим промежуточные итоги... У нас осталось литра два воды. Сколько еще идти – мы не знаем. Силы были на исходе еще два часа назад. Теперь их просто нет. Да что там говорить, я готов упасть и умереть прямо здесь, вот прямо на этом камне, – Рома хлопнул ладошкой по скале, на которой сидел.

– Предлагаю провести разведку налегке. Разбить здесь лагерь. Ветер, конечно, сильный, но в целях реального выживания мы вполне справимся с этой задачей. Один из нас, у кого в запасе еще остались хоть какие-то силы, возьмет пустые бутылки, поднимется и посмотрит, есть ли наверху вообще вода. Иначе мы просто зря тратим время и силы, – предложил я. И да, я оказался именно тем человеком из фильмов ужасов, который в страшной ситуации предлагает разделиться. – Я просто ненавижу уже этот рюкзак и не могу его нести.

Это было притом, что моя ноша с начала пути облегчилась практически на двенадцать килограммов. Я его искренне ненавидел.

– Не согласен, – сказал Рома. – Я считаю, что нужно собраться и идти дальше всем вместе. Мы почти дошли, я уверен в этом, не может же этот подъем быть бесконечным.

– Да ты сам сзади еле плетешься... – продолжил я чуть громче обычного, не понимая, улыбаюсь или ору на него с раздражением.

– Да, мне тяжело! – артистично выкрикнул он мне в ответ. – Но я иду.

И мы заржали. Во все горло. Как кони.

В его ответе были слышны боль и тяжесть всех последних часов. Он отставал, и временами нам приходилось ждать по несколько минут, чтобы не потерять замыкающего, что здесь, в каменных джунглях, было сделать проще простого. Но он продолжал идти. Не спеша, но уверенно, цепляясь за могучие камни и пыхтя, видя перед собой лишь горный хребет, растянувшийся вдоль всего полуострова и никак не хотевший к нам приближаться. Он смотрел на нас свысока, как бы говоря, что еще рано, отдых вы еще не заслужили. Поднимаясь по этим недружелюбным камням, я впервые подумал: «А есть ли у гор душа?» Не знаю насчет этого, но характером они наделены однозначно. И весьма суровым.

Раньше я часто смотрел фильмы про выживание, да подобные истории и в жизни не редкость. Истории о том, как люди оказываются на краю в тяжелой экстремальной ситуации, но, когда это происходит с тобой, не верится до конца. Надеешься до последнего момента, что все хорошо, все под контролем. В действительности это далеко не так – контроль упущен. Нервы на взводе, шевелятся так, как никогда.

– Я за то, чтобы идти дальше, как и шли, – после непродолжительного обдумывания Саша своим голосом определил наши дальнейшие действия. Сдвинул весы равновесия в сторону Ромы.

И решением большинства мы пошли вперед. Снова.

Каждый попадающийся под ногу камень казался ударом плетью по голой ступне и простреливал практически через все тело. Вода в моей последней бутылке просто плескалась на дне. Но та жажда, что преследовала нас в начале пути, отступала вместе с прячущимся за горизонт солнечным кругом. Силы иссякли полностью. Закончилось второе, третье... пятое дыхание. Каждые десять шагов я останавливался, чтобы немного постоять и отдохнуть. Пройти больше я не мог физически. Палка (палка-выручалка), вырубленная у подножья, выросла в мое тело, превратившись в третью ногу. Я слышал и ощущал, как сильно бьется мое сердце. Его движения можно было увидеть через одежду, просто посмотрев на грудь. Когда я останавливался – оно успокаивалось и возвращалось в обычный режим работы, но стоило мне сделать один шаг – оно начинало яростно протестовать. Биться, словно дикая птица, первый раз попавшая в клетку. Я двигался уже на десятом дыхании, но казалось, что оно будет последним. Лимит исчерпан. Это были самые тяжелые шаги в моей жизни (возможно, все же самыми тяжелыми были первые шаги в моей жизни, но их-то я не помню). Так тяжело мне не давался ни один метр до этого, а в голове все время крутились одни и те же мысли...

Зачем, ну зачем я так насилую свой организм?

Что я здесь делаю? О каком удовольствии может идти речь?

Можно было лежать сейчас на берегу моря на мягком песочке и попивать холодный вкусный коктейльчик из половинки кокоса, поглядывать на полуголых девиц в купальниках и наслаждаться, принимая легкие солнечные ванны... Не эти лазерные лучи, что полдня пытались меня испепелить, а аккуратные, размеренные, любящие...

Но если человек идет – он обязательно дойдет.

Саша вырвался немного вперед и ушел из поля моего зрения, а Рома, в свою очередь, немного отстал и тоже исчез с моих радаров где-то сзади. Последний час мы не тратили силы на разговоры, в связи с чем пропала нужда двигаться рядом друг с другом. Каждый шел наедине с тишиной, ветром и своими мыслями.

И в тот момент, когда я думал о своем сердце (как бы оно не остановилось от этого сумасшедшего биения), за очередным каменным выступом появились кусты. Я ощутил себя обезвоженным путешественником, повстречавшим в пустыне красочный оазис. И с каждым моим жалким шагом их становилось все больше и больше. Они становились разнообразнее и красочнее – зеленые, красные, желтые. Ветер скакал по их макушкам во все стороны сразу. Одновременно, резко меняя свое направление.

Среди них стоял ко мне спиной, широко расставив руки, Саша. Заметив меня, он крикнул:

– Мы дошли! ПЛАТО-О-О-О...

Я поднялся до него, и моему взору предстала картина, ко-

торая еще многие ночи будет будоражить мою память. Картина победы. Нашей маленькой, но тяжелой победы. Победы над собой. Плато. Это равнина, расположенная прямо на самом верху нашего горного хребта. Оно и было вершиной нашей горы, и оно снова тянулось и уходило куда-то в горизонт. Но нам это было неважно. Мы дошли, и сразу стало немного легче. Даже захотелось заплакать...

Недалеко от места нашей безумной, восторженной и искренней радости, среди разносортных кустов, в небольшой нише, в такт порывам ветра мелькала зеленая крыша небольшой одноместной палатки. Она бросилась в глаза не сразу, но не смогла ускользнуть от нашего уставшего, но внимательного взора.

Поскольку из важных жизненных задач была решена только одна, а нам все еще требовалась вода, мы двинулись к палатке молча и одновременно. Не стовариваясь. Даже если источник воды пересох, всегда можно было совершить набег и ограбить охреневших от происходящего туристов. И да, мы были готовы к такому шагу. У нас не осталось ни капли жидкости (кроме коньяка). Такие мысли не были чем-то сверхъестественным, а кружились в моей голове, как родные. Спасибо Роману за это. Он всегда выступал их главным распространителем. Даже сейчас, на расстоянии.

Возле палатки, пытаясь изобразить радость от неожиданной встречи, к нам вышел некий англичанин. Думаю, в его голове крутились кадры из фильмов ужасов про зомби-апо-

калипсис, когда двое грязных и сильно потрепанных человека с вытянутыми руками и криками «вотэр, вотэр» бежали на него. Он, сообразив, в чем дело, ткнул пальцем немного в сторону, там, на небольшом удалении, под вечерним солнцем сверкала водная поверхность источника (не путать с лужей, внешне они очень схожи).

Скорректировав в один миг свое направление движения, пройдя по касательной мимо напуганного англичанина, в две секунды мы оказались возле нее и мигом опустили свои пыльные морды в холодную родниковую воду. Это было как в сказке. О, чудо! Источник не пересох, он был холоден, чист, свеж и прекрасен. Я не мог остановиться, мне хотелось пить без остановки. Просто упиться до смерти в этом месте. Разве это не было счастьем? Но от холодной воды быстро начало сводить зубы и горло. Мы бросились наполнять пустые бутылки водой, болтая и громко смеясь и боясь, что источник исчезнет так же быстро, как и появился. Силы восстанавливались просто на глазах. Мы смеялись и смеялись, болтали и болтали, пили и пили, совершенно позабыв об одной важной и не очень маленькой мелочи – о Роме.

Здесь я все же сделаю небольшое отступление и расскажу вам немного подробнее о моих спутниках. Буквально пару слов.

Роман. Наиболее часто используемое прозвище у этого человека в наших кругах – Сова. Не потому, что он не спит по ночам, нет. Это просто производное от его фамилии. Бога-

тырь великой Брянской земли. Точнее, раньше был таким. Нынче более подходящее определение – чрезмерно упитанный мужик великой Брянской земли. Неглупый, очень хозяйственный и довольно рассудительный (временами). Тщательно обдумывает каждый свой последующий шаг, не склонен к принятию импульсивных решений. Любит черный юмор, оружие и сарказм (в этом достиг неплохих высот). Обожает отдавать приказы и не терпит подчинение кому-либо. С ним не всегда легко, но всегда весело и надежно. В общем, не знаю, как меня угораздило с ним сдружиться... Но это случилось, и боюсь, что длиться оно будет до конца жизни (неважно чьей).

Александр. Умный, невысокого роста, худощавого телосложения, но, как показало путешествие, – с хорошей выносливостью. Самостоятельный и целеустремленный. Женат. Хотя временами чересчур уступчив своей супруге (кстати – это не минус, а просто черта характера), но, видимо, именно поэтому хороший семьянин. Познакомились и сдружились мы в общежитии столичного института, в котором учились и где благополучно и весело пропивали свои молодые годы. Там же, в столице, мы и остались жить после. Кроме Ромы, он уехал на Родину.

Думаю, этого более чем достаточно. Мы дружим уже много лет и продолжаем дружить именно благодаря таким историям, о которых я вам рассказываю. Ведь людей связывают общие интересы, а при их отсутствии дружеская связь начи-

нает ослабевать. Это элементарная основа дружбы. А наш «общий интерес» тем временем продолжался...

Смеркалось.

Посчитав, что Рома поднимется тем же маршрутом, увидит туриста и двинется в нашем направлении, недалеко от источника, но и не совсем близко, чтобы не беспокоить ночью английского гостя, мы стали разбивать лагерь. Не теряя времени. Темнота в этих краях наступала довольно быстро.

Но он так и не появился. Ни спустя пять, ни спустя тридцать минут. Телефоны в этой местности уже давно ничего не ловили. На темнеющем горизонте никого не было. Я прихватил с собой бутылку воды и отправился на поиски недостающего члена нашей команды. Саша тем временем разжигал огонь. Иначе и я мог не вернуться, а просто заблудиться в темноте. Передвигаться по ровному плато, покрытому травой и мхом, после восьмичасового подъема было невероятно приятно. Я получал наслаждение просто от ходьбы, будто по домашнему ковру. Я дошел до его края и посмотрел на бесконечную череду каменных выступов, тянущуюся куда-то вниз, к самому озеру, которое даже с этой высоты поражало своими размерами. Это то, что мы умудрились пройти на своих бедных и замученных ногах. И это было невероятно, но Ромы нигде не было – ни на плато, ни внизу. Я занервничал.

Спускаясь по ненавистным мне камням, я вскоре обнаружил знакомую вспотевшую спину моего друга. Он сидел и,

разложив на более-менее ровном камне продукты, (не побоюсь этого слова) жрал. Держа в одной руке «Сникерс», а в другой бутылку, на дне которой все еще плескалась уже теплая и далеко не самая вкусная вода. Потерявшимся он не выглядел совершенно, он выглядел спрятавшимся, для того чтобы спокойно втихаря поесть.

– Эй ты... – окрикнул я его сверху, чтобы до конца не спускаться. – Мы вообще-то там ждем тебя, переживаем, думаем, что же с ним случилось... А он тут жрет...

– Все не так, как могло тебе показаться на первый взгляд, – сказал Рома, дожевывая и даже не глядя в мою сторону. – Я поднялся и не нашел вас. Взял, видимо, сильно вправо. Ушел в сторону, а когда понял это – вернулся. И стал ждать. Знал, что вы обязательно вернетесь.

– Ну да, ну да.

– А это... – кивнул он в сторону импровизированного стола. – Просто решил «подбить» остатки запасов продовольствия на тот случай, если бы вы не вернулись и пришлось ночевать прямо здесь. Одному.

– Ну и как? Оценил?

– Да. Жить буду. С водой только не очень. – И он потряс над головой почти пустой бутылкой.

– Мы нашли воду. На, свежей попей. – Показал я ему свою.

Он быстро собрался, и мы двинулись на мерцающее пламя разгоревшегося костра по темнеющей равнине. Цель была

достигнута. Весь отряд добрался до вершины. Без потерь.

Хотя я перед ужином и настаивал на том, чтобы Рому не кормили, он вроде как сыт. Все уселись вокруг костра. Жаренные на открытом огне сосиски, палатка, костер, гитара, коньяк... Мы охмелели с первой же рюмки. Лишь ноющие от усталости и мозолей ноги продолжали напоминать о трудном восхождении. О том, что всего час назад об этой минуте мы могли только мечтать, а теперь она наступила.

Допив вторую бутылку, мы улеглись вокруг костра, закурили по сигарете и долго-долго смотрели в звездное небо. Оно все так же было безоблачным. Тысячи звезд наблюдали с него за нами. Все мыслимые и немыслимые созвездия сплелись в одну общую бескрайнюю паутину. Это черное звездное небо отражало в себе все свое величие, свою силу и нашу ничтожность в сравнении с ним. Время для нас будто остановилось. И в один миг звезды одна за другой начали падать. Перед нами разыгрался звездопад во всей своей красе. Одна за одной хаотично яркие точки замелькали в разные стороны, оставляя на один лишь миг за собой тонкую белую полосу. Чернота неба быстро поглощала в себе все предсмертные отблески падающих небесных светил, возникающие по всему небосводу вновь и вновь.

Я видел такое первый раз в жизни. Столько звезд...

– Ну и где вы еще в своей Москве такое увидите? – спокойный и удовлетворенный голос Ромы нарушил задумчивую тишину.

– Да, такого больше нигде... – ответили мы одновременно.

Я медленно выпустил в небо дым от сигареты, он за- мерцал от слабой игры костра и безвозвратно растворился. Вслед за сгорающими звездами. В небытие.

Именно ради этого момента мы и поднимались сюда. Стоило ли оно того?

Да, тысячу раз стоило...

Все в тот миг казалось таким незначительным и таким далеким. Все наши жизни, оставленные где-то там, где-то внизу, за тысячи километров от этого тихого и сказочного места. Все наши проблемы и бытовые заботы. Наша работа, наши болезни, наши семьи. Наши тревоги и волнения. И здесь, на вершине горы, на удивительном полуострове под названием Святой Нос, на плато, над самым большим пресным озером в мире, над Байкалом, мы были одни (за исключением англичанина, хотя есть вероятность, что он тихонечко свалил, услышав наши завывания на гитаре), но не чувствовали себя одинокими. Лишь мы и звездное небо. А это все и ничего сразу. Я чувствовал себя Андреем Болконским, лежащим под небом Аустерлица, с одной единственной разницей – его в тот момент жизнь покидала, а нас наполняла. Будто бы здесь, вне зоны доступа телефонной связи, лежа перед самыми небесами, лишь на один миг мы стали ближе к своему Создателю. Он случайно заметил нас, мимолетно взглянул... И все. И нам стало хорошо. Мы стали счастливы.

День второй.

Я проснулся утром от разносившегося по всей округе запаха вареной гречки. Рома собственной персоной кашеварил. Возможно, его мучила совесть за то, что он ел вчера наши запасы «в одну будку», прикрываясь необходимой ревизией. Но это не точно.

– Вставай, пупсик, пора кушать, – заглянул он в палатку, держа в руке свой дорогой и все так же девственно-чистый нож. – Лексей. Дай свой ножик, а то мне нужно открыть банку тушенки, а своим... Ну, ты знаешь... Он слишком хорош для этого.

– Жалко. Понимаю. Вот на хрена ты его тогда с собой везде носишь, вот этого я совсем не понимаю. – Я снял с пояса свой и протянул ему. Да, я спал, не снимая его с себя. В дикой и безлюдной местности мне так спокойнее.

– Давай сюда быстрее, а то останешься голодным, – сказал Рома, выхватив его у меня из рук, и продолжил: – Что ж, я отдал за него столько денег, чтобы он дома валялся?

Я вылез наружу. Небо было мягкое и нежно-голубое, такое же, как и накануне. Солнце освещало всю нашу поляну. Палатка англичанина пропала. Видимо, он ушел ни свет ни заря. Свалил пораньше, чтобы больше не видеть наши физиономии. Никогда.

В котелке над костром томно бурлила не очень симпатичная, но довольно вкусно пахнущая смесь из гречки, моркови и тушенки. Возле костра лежали остатки вчерашних запасов дров. Их в округе оказалось не так много, но вот по пути на

склоне часто попадались пересушенные ветки.

– Надеюсь, мы вчера в темноте палили костер не из какого-нибудь краснокнижного ельника? – сказал я, пытаюсь умыться холодной водой из бутылки. Голова была предельно ясной, несмотря на выпитое накануне количество коньяка.

– Надейся, – обнадежил меня Рома, помешивая котелок привязанной к деревянной палочке ложкой. Затем вынул ее, немного подул и попробовал содержимое. Чтобы не обжечь губы, дегустация проводилась исключительно зубами. Результатами своей творческой деятельности он остался доволен. – Ну вот, почти готово. Жрать подано, господа, прошу к столу.

Рома вновь помешал котелок, снова достал ложку и попробовал еще раз.

– Ты там сам ешь или пробуешь? – подошел с телефоном в руке со стороны спуска Саша. – Там на камне связь немного ловит. Эсэмэску хоть жене сумел отправить.

Мы сели завтракать, и ложки радостно застучали по металлическим тарелкам (МЕТАЛЛИЧЕСКИМ, бл..ть, не пластмассовым). В ответ на мое замечание о недоваренной моркови мне посоветовали «жрать, что дали, молча». Я советом воспользовался и продолжил, откладывая в сторону кубики хрустящей ярко-рыжей морковки.

– Сны странные снились. Слишком уж яркие, – произнес Саня и вкратце пересказал нам свой. – Я такие никогда раньше не видел...

Сказать, что я удивился, – не сказать ничего. Я обалдел. У меня просто отвисла челюсть. Я слушал его и не верил своим ушам. Это бы настолько странным ощущением, будто Саша пробрался ко мне в голову и подсмотрел, что снилось мне самому еще час назад. И пересказал это.

Я мог бы придумать на этом месте целую историю о снившемся мне сне. Но не стану. Иначе вся эта история будет больше похожа на любительское сочинение, нежели на пересказ. Я не могу сейчас вспомнить, что конкретно снилось мне в ту ночь, ибо сны имеют интересную особенность – растворяются в памяти по мере возвращения к реальности. Я помню лишь, что с первого и до последнего дня пребывания в этом прекрасном регионе мне снились сны невероятной яркости. Настолько красочные, что вся предыдущая жизнь не идет с ними ни в какое сравнение. Это как смотреть всю жизнь черно-белый телевизор, а после этого одолжить на неделю цветной и поражаться его невиданной яркости. Жалко только, что его придется вернуть.

Но факт остается фактом – все троим в ту ночь на вершине снились одинаковые сны. И по красоте и по содержанию. Странно и немного жутко. Я до сих пор иногда вздрагиваю, вспоминая это чувство.

Впоследствии мы зададим вопрос об этой странности нашему гиду.

– Это все от экологии. Слишком чистый воздух. Особенно для приезжих из Москвы. Такое бывает... – ограничится он

ответом, а потом добавит: — Да и места здесь все волшебные.

Но, согласно этой логике, в Москве его самого должны постоянно мучить кошмары. Каждую ночь ему будут сниться черно-белые бесцветные сны. Не знаю, не знаю...

Ближе к обеду все стали собираться. Впереди ждал не такой продолжительный, но не менее напряженный спуск. Забраться мы смогли, но всегда нужно помнить, что, куда бы ты ни залез, придется спускаться.

Стоя на краю с рюкзаками за спиной, мы еще раз осмотрели все это с высоты птичьего полета. Необъятное и необычайно красивое озеро, больше похожее на море, с идеально полукруглой песчаной береговой линией. Горные хребты, спускающиеся от вершины прямо к воде, усеянные гигантскими каменными валунами от верха и обрастающие густой растительностью ближе к земле. К его обрывистым берегам. И вся эта необычайная красота, все это умещается на одной картинке. В одном месте. Которую нельзя передать никак, ее можно лишь ощутить, побывав здесь самому. Вдохнув этот воздух.

Эх, Байкал, я вижу все это снова каждый раз, закрывая глаза. Ты поистине волшебен. Тебя невозможно забыть. Мне не под силу вспомнить через пару дней цвет обоев в своей квартире, которые я наблюдаю каждый день на протяжении многих лет. Но тот открывшийся взору вид с вершины я помню и по сей день. В мельчайших деталях. Будто возвращаюсь туда каждую ночь, покинув свое тело. Мысленно, про-

сто стою там и наблюдаю. Наслаждаюсь этим видом и тишиной. Ни единого звука, ни единой лишней волнующей мысли, только спокойствие и уединение. Говорят, у каждого человека есть место полного умиротворения, и, кажется, это место было мое.

Небольшая фотосессия, пополнение запасов воды в луже-подобном источнике, и мы двинулись в путь. Рюкзаки, пот и уставшие мышцы. Все как вчера, лишь угол подъема сменился и повернулся в противоположную сторону.

Спуск оказался немного легче, но не настолько, видимо, чтобы оправдать наши ожидания. Натертые накануне ноги взвыли от боли с прежней силой с первого шага. Телу и мышцам не хватило времени на полное восстановление. И это да-ло о себе знать незамедлительно. Мозоли, упрятанные под несколькими слоями лейкопластыря, напоминали о своем существовании при каждом движении. Но все же волшебная гора придавала нам силы, и спуск давался быстрее. Ну или это сказывалась недоваренная Ромой утренняя морковь.

Все оказалось немного иначе, чем виделось мне вначале. Это же спуск, он не должен быть сложным. Ты просто идешь вниз, по наклонной (как и вся жизнь), а инерция и силы гравитации придают тебе ускорение. Но на деле все было не так. Спуск съедал время и силы, сравнимые с вчерашним подъемом, а в некоторых местах даже оказался еще тяжелее и болезненнее.

Я не впервые участвовал в подобных подъемах. В последний раз, в знак солидарности с моим компаньоном, поднимаясь на небольшую гору на Крымском полуострове, я надел сланцы. Обыкновенные незамысловатые пляжные сланцы. Очень удобные и легкие и совершенно не предназначенные для таких испытаний. И знаете, что я подумал в конце того путешествия, глядя на свои исцарапанные многострадальные ноги?

К черту солидарность...

Сейчас же на моих ногах пылились и бились о камни куп-

ленные мною почти год назад именно для таких мест облегченные ботинки наподобие обыкновенных армейских берцев. И знаете, о чем я снова подумал?

К черту дешевую китайскую обувь...

Они подвели. Умерли на середине обратного пути. Из-за того, что ступня долгое время была под наклоном и пальцы ног при каждом шаге давили изнутри на носок ботинка, спустя три часа им все же удалось выбраться наружу. Они пробились. Я продолжал спуск, как волк на катке из известного мультфильма «Ну, погоди!» в момент надевания коньков меньшего размера. Я двигался и весело наблюдал, как из ботинок то выглядывают, то прячутся обратно мои короткие грязные пальцы.

– Выброшу вас сразу же, как только доберемся до дома, – прошипел я.

Окружающий нас пейзаж тем временем включил обратную перематку вчерашнего дня. С каждым шагом вокруг становилось все больше деревьев и все меньше камней. Это радовало и придавало новые силы для крайнего рывка, но береговая линия казалась еще так далеко.

В общей сложности на обратную дорогу было потрачено шесть часов. Да, несмотря на то, что время на спуск было взято с запасом, он весь благополучно израсходовался где-то в районе лесистой местности с уже практически горизонтальной поверхностью. Там, где за день до этого дружно и весело заостряли себе палки для передвижения. К месту на-

шей эвакуации мы прибыли ровно по графику (в допустимых пределах отклонения).

Гид ожидал нас в назначенное время в назначенном месте. И по мере приближения при взгляде на нас его улыбка становилась все шире и шире. Он сидел в машине и уже практически смеялся. Я никогда в жизни не радовался так сильно малознакомым людям. Я был готов его обнять и расцеловать.

«Все, все закончилось, дальше машина, душ, ужин и мягкая кровать...» – успокаивал я себя, снимая на ходу рюкзак с ноющей от усталости спины.

– Давайте-ка заскочим сейчас на одно озерцо по дороге и быстренько окунемся. Это вас немного освежит и взбодрит, а то выглядите неважно, – сказал он, помогая закидывать наши вещи в микроавтобус.

«К тому же от нас воняет, как от помоечных собак...» – мысленно продолжил за него я.

Все дружно закивали. На разговоры сил не осталось. Рассказ о полученных впечатлениях мы отложили на потом.

Двигатель завелся, и машина тронулась с места. Ехать, сидя в мягком кресле, слегка покачиваясь и подпрыгивая в такт лесной дороге, оказалось очень приятно. Как же я скукал по этому ощущению!

Спустя немного времени гид остановился возле небольшого озерца посреди заповедника, в тихом и безлюдном месте. Очень не хотелось вылезать из машины, но мы себя пересилили. Сняв с себя одежду и разувшись, я ужаснулся то-

му, какими грязными и страшными оказались мои ноги под потрепанными ботинками. Я тут же поспешил спрятать их поскорее в воду (пусть рыбы посмотрят), которая по ощущениям была холодной, но очень приятной для кожи и, вероятнее всего, просто жизненно необходимой (непередаваемое ощущение).

Надеюсь, никто из подводных жителей не всплывет от такого неожиданного «сюрприза».

Нет. Не всплыли.

На выезде из заповедника Рома попросил остановиться возле контейнеров для мусора. Он достал из своего рюкзака пакет с мусором, медленно вылез из микроавтобуса и выбросил его. По глазам Виталия было заметно, что он сильно, но приятно удивился такому поступку. То, что молодые пацаны из Москвы будут спускать на своем горбу шесть тяжелейших для себя часов пустые пакеты, бутылки и прочие отходы туристической жизнедеятельности, для него было неожиданностью.

В действительности там, наверху, не лежало ни одной лишней бумажки, ни одной бутылки, ни одного грязного пакета. Мыслей оставлять все это там и становиться первыми свиньями в таком чистом и красивом месте у нас не возникло. Для нас это не было чем-то сверхъестественным. Ведь главное правило любого путешествия – заберите с собой хотя бы свой мусор.

– Молодцы, – похвалил нас гид.

«Молодцы, молодцы, молодцы...» – эхом отзывались в моей голове эти слова, а перед глазами тем временем всплыла картина выброшенных мною недоеденных сосисок, аккуратно лежащих на примятой траве. Они оказались слишком противными и невостребованными даже во время обеда.

«В природе ничего не пропадает», – подумал я и швырнул их в ближайшие кусты. И все бы ничего, вот только сейчас я сообразил, что они были в упаковке – а это уже плохо.

«Молодцы, молодцы, молодцы...»

Виталий продолжал рассказывать о том, что приезжие гости, особенно из дальних мест, очень редко ведут себя должным образом, уважая природу, стараясь сохранить и оставить после себя все то, что восхищает их самих, для будущих поколений в первозданном виде. Стараясь сохранить ее чистоту такой, какой она предстала перед ними. Да и власти не уделяют этому вопросу должного внимания. Лишь местные жители (и те далеко не все) понимают всю важность этого вопроса и, полагаясь только на свои силы, пытаются хоть как-то за этим следить. Но в своем большинстве люди эгоистичны и бессовестны, что, кстати, является не чертой характера, а исключительно следствием недостаточного воспитания.

«Молодцы, молодцы, молодцы...» – с каждой секундой это слово звучало все сильнее и громче. Оно скреблось внутри меня, пытаясь криком вырваться наружу. И вроде бы ничего страшного не происходило, но мне стало стыдно. Настолько, что я был готов заорать «стойте!», выпрыгнуть из

машины и побежать обратно на гору, прямо так, налегке, отыскать в кустах брошенную пачку сосисок, схватить и пробежать обратно, держа ее высоко над голову.

«Смотрите, смотрите, вот... я тоже молодец... я тоже хороший...»

Да, я хотел быть молодцом. Я вообще люблю быть хорошим. Быть положительным примером. Мне не нравится маска подлеца и уж тем более – маска невоспитанной свиньи, но сил на такой поступок у меня, естественно, в запасе не оставалось. Они были исчерпаны до самого дна. И я смирился. Тихонько проклиная себя. Опустил голову, взглянув на свои торчащие из разорванных ботинок пальцы.

«Да уж... молодцы...»

Дома нас уже поджидали разогретая баня, холодное, купленное заранее пиво и горячий вкусный ужин. Разобрав быстро вещи, мы помылись, побросали все грязное в стирку (ВСЕ вещи). И да, ботинки сразу же отправились в мусорное ведро. Как и обещал, я их выбросил и сделал это с большим удовольствием. Дальше в нашем плане-графике проведения отпускных дней таких трудных и долгих передвижений не запланировано. Дальше все по лайту.

Чистые, бритые и благоухающие, мы уселись вокруг обеденного стола. Раздался глухой звук открывающихся пивных бутылок.

Я смотрел на своих друзей и удивлялся. Наши лица были сильно обветрены, губы пересохшие, шея и руки, обгорев-

шие на беспощадном байкальском солнце, но нам было хорошо. Мы были довольными и счастливыми. Странно, не правда ли? Само понятие счастья и его производного – удовольствия – весьма гибкое. Для каждого человека оно свое. Личное. И в тот же момент оно может быть диаметрально противоположным для другого человека, совершенно не имеющим никакого пропорционального значения между его физической составляющей и реальным значением. Более того, этот показатель настолько не постоянен, что может менять себя для одного и того же человека в разные моменты его жизни. Понятие счастья поистине неосвязаемо, необъятно и необъяснимо. В первую очередь оно зарождается внутри человека, а дальше все уже зависит только от тебя. Будешь ли ты его возвращать? Будешь ли ты счастлив?

– Ну, как говорится, за возвращение... – озвучил Рома весьма подходящий тост, и мы прильнули обветренными и сухими губами к бутылкам с холодным пивом.

Я не являюсь большим любителем пенного напитка, но его вкус в тот момент был просто бесподобен. Маленькие капли конденсата приятно стекали по дрожащей в руке бутылке. Настолько холодное внутри, что после трех глотков подряд горло начало понемногу неметь, но остановиться сразу я не мог. И никто не смог. Мы присосались к освежающим бутылкам, как голодные клещи к свежей человеческой плоти. Как алкоголики наутро после сильнейшей пьянки. Да, его вкус был неподражаем. Чтобы ощутить его еще раз в жизни,

я готов был повторить наш путь от начала до конца. Только ради этого прекрасного момента.

Быстро разобравшись с ужином и набив животы, мы улеглись в кровати. Я заснул, едва лишь голова коснулась подушки. Сны в эту ночь мне не снились. Была только чернота. Густая, непроглядная. И временами в ней появлялись мерцающие, падающие звезды.

День третий.

У Виталия, как у опытного гида, имелось все, что нужно для комфортного и плодотворного отдыха в этих краях. И одним из таких приспособлений была моторная лодка. Эта вещь здесь просто незаменима. Мы не могли приехать на Байкал и не воспользоваться ею, поэтому на сегодня запланировали озерные прогулки и рыбалку. Позавтракав, наша команда дружно выдвинулась к ближайшему заливу, располагавшемуся фактически сразу за домом. Виталий подвез лодку на прицепе к берегу и спустил ее в воду.

– Я отгоню машину, вы пока постоитесь здесь, подождите, – сказал он, сел за руль и скрылся за поворотом.

Для нас это был отличный шанс сделать фотографию в стиле Джека Воробья. Ой, нет, нет, то есть капитана Джека Воробья. Взбираясь поочередно на капитанский мостик, мы фотографировали друг друга с серьезными, как нам казалось, лицами. Вот так в ходе этого мероприятия в момент смены очередного фейкового командира на другого Рома передал через борт Саше свой мобильный телефон, ко-

торый весьма благополучно выскользнул прямо над водной гладью из принимающих рук и устремился вниз, напрямиком к этой всепоглощающей зеркальной бездне. Наши сердца в один момент екнули (особенно Ромы, поскольку телефон был его). И в тот миг, когда все лучшие моменты с любимым телефоном в жизни Ромы стали один за другим проноситься перед его глазами, в момент, когда губительная для такого устройства жидкость разинула свою пасть, чтобы сожрать неожиданный подарок, Саня каким-то чудом умудрился его поймать. В нескольких сантиметрах от колышущейся на ветру поверхности. Двумя пальцами. За уголок телефона.

На миг все замерли, весь мир остановился, наблюдая за этой картиной... И не веря в происходящее.

Мы дружно выдохнули...

Рома нарушил тишину первый и, если убрать весь мат из произнесенной им речи, то останется только дружеское обращение «Саня...».

Спустя несколько минут появился Виталий, и мы выдвинулись в путь. Рома осторожно рассматривал свой чудом уцелевший телефон, временами косясь взглядом в сторону Саши. Лодка завелась и медленно пошла из залива в сторону «большой воды». В сторону Байкала.

Помимо внутренней каюты, где спокойно могли разместиться шесть человек (но только сидя), Виталий разрешил стоять во время движения у ее входа. Практически на корме. С этого места хорошо просматривался окружающий мир. В

каюте было тепло, сухо, уютно, но не видно почти ничего. Лишь вода и брызги волн попадали на ее стекла. А у входа твоему взору открывались все невероятные пейзажи, которыми была усеяна местность. Безграничные водные просторы. Брызги и свежий морской ветер приятно летят тебе навстречу. Это незабываемое ощущение. Теперь мы могли спокойно рассматривать вершину горы и всю ту тропу, что еще вчера казалась нам невероятно сложной. Весь проделанный нами накануне путь наверх со стороны озера был виден как на ладони. Он выглядел как небольшая тропинка. Теперь мы смотрели туда с противоположной стороны и были несказанно рады, что находимся сейчас именно здесь.

Проблема заключалась только в том, что на корме могли уместиться одновременно лишь двое. Третий был вынужден сидеть внизу, наблюдая, как с одной стороны о стекло одна за другой разбиваются синие волны, а с другой – за двумя парами волосатых ног твоих друзей, напряженно стоящих на ступеньке у входа и осматривающих красивые просторы. Да, в каюте с тобой они были только на треть. Нижнюю треть.

Мы скинулись на камень-ножницы-бумагу, и я, благополучно проиграв, первый отправился вниз. Было решено меняться каждые полчаса пути. От скуки я представлял себе, что Рома с Сашей стоят на корме, один из них вытягивает руки в стороны, второй его поддерживает, как Лео с Кейт в фильме «Титаник», и мне сразу становилось веселее. Это помогало скоротать время в одиночестве. Хотя покоя не да-

вала мысль, что через полчаса и я там буду стоять с кем-то из них... Но мы-то будем стоять просто рядом. Без рук и без крика «Я лечу...».

Наша лодка продолжала разрезать воду, как горячий нож масло, уже на протяжении нескольких часов. Берег, где мы играли в капитанов, остался далеко позади, а наше путешествие продолжалось. Временами из воды со всех сторон выглядывали усатые и большеглазые мордочки байкальских нерп, с любопытством и опаской осматривая неожиданных гостей.

– Они не кусаются? – спросил я Виталия, тыкая пальцем в сторону смотрящей на меня пары черных и зеркальных глаз.

Он искренне засмеялся.

Не знаю, что его так рассмешило в моем вопросе. Если бы дома, когда я купался в озере, рядом со мной всплыла бы эта в общем-то вполне симпатичная мордашка с телом упитанной собаки, я бы бежал в сторону берега прямо по воде.

Но прозрачная вода действовала весьма успокаивающе, а морские чудища довольно быстро превратились в милых и доброжелательных местных жителей. Своеобразных питомцев.

Доплыв до мыса, мы достали спиннинги и стали слушать экспресс-курс о ловле хариуса от гида. Вся рыбалка на Байкале для нас заключалась в поимке именно этой рыбы, которая водится далеко не везде. Остановив лодку в пятидеся-

ти метрах от каменного берега, Виталий ловким взмахом забросил блесну на мель и аккуратными и равномерными движениями закрутил катушкой. Рыба клюнула незамедлительно. С первого же заброса. Спустя тридцать секунд сопротивления в лодке извивалась и стучала хвостом о дно рыба довольно необычного для жителя средней полосы вида. Я видел хариуса так близко впервые в своей жизни. Он поочередно расправлял свои яркие плавники и безостановочно открывал и закрывал рот, пытаясь вдохнуть.

Воодушевившись первым уловом, мы радостно стали забрасывать свои блесны в разные стороны. Благо габариты лодки позволяли делать это всем одновременно. Но поймать что-то с первого раза умел только Виталий. Он благополучно отложил свой спиннинг и начал наблюдать за всем процессом, изредка подсказывая нам, что и как правильнее делать, а чего делать вообще не стоит.

На обратном пути наш маршрут был проложен не через центр озера, а вдоль побережья, временами мы останавливались на спиннинговые забросы. И в конце концов у нас начало получаться. Главной причиной неудач в начале рыбалки оказался наш инвентарь. Мы располагали классическим набором блесен, предназначенных для щуки, судака, окуня. Как выяснилось позже, хариуса они не интересовали. Виталий снабдил нас припасенными для такого случая ярко-желтыми с черными точками приманками, отказаться от которых рыбе было просто не под силу. И она стала попадаться.

Отплыв немного от берега, Рома попросил остановиться. Он достал из сумки маленькую пластиковую пустую бутылочку и, погрузив в воду, стал набирать в нее озерную воду.

– Грише обещал воды байкальской привезти, а то он с нами поехать так и не смог, – ответил он на наши беззвучные вопросы.

На поверхности у руки стали быстро появляться и лопаться множество пузырей с воздухом. Они ускоренным темпом менялись с водой местами. Впоследствии Гриша, наш общий друг, неоднократно интересовался у меня, действительно ли Рома привез ему воду из озера или, забыв о его просьбе, набрал ее в бутылку прямо на вокзале из крана в туалете по приезде домой. Я уверял его в правдивости. Он знает Рому слишком давно, чтобы так сразу ему верить, поэтому сомневается до сих пор.

И, конечно же, прием пищи на природе – это незаменимое и несравненное мероприятие. Разместившись на каменном пляже и соорудив импровизированный стол, Виталий быстро почистил, выпотрошил и нарезал свежепойманных хариусов, сложил аккуратные кусочки филе в тарелку, посолил, поперчил, добавил лук и подал сие блюдо к столу.

Мы переглянулись.

– Не переживайте, – заметив наше сомнение, сказал гид и, взяв двумя пальцами кусочек аппетитного белого мяса, отправил его в рот. – Здесь вся рыба чистая.

Мы незамедлительно последовали его примеру. Блюдо

оказалось простым и вкусным. Главное правило его приготовления – свежая рыба. Я имею в виду, что она должна быть действительно свежей. Не более получаса от поимки, и тогда она просто тает во рту.

И именно в тот момент, когда мы познавали шедевры местной кулинарии, из-за ближайшего изгиба береговой линии появился он...

Я не помню его имени, а может, просто никогда и не знал. Между собой мы называли его Робинзоном. Судя по рассказам, он приехал сюда на лето из Санкт-Петербурга, оставив там свою жену и маленькую дочку. Это была его далеко не первая подобная отшельническая поездка. Это был его стиль жизни – ездить, куда и когда захочет, практически без денег, взяв с собой минимум вещей. Свои у него были лишь одноместная старая палатка и удочка. Наверное, еще и паспорт, но в этом на сто процентов я не могу быть уверенным. Вот таким образом из года в год каждое лето он отправлялся в незабываемое путешествие на край света. И проводил в лесах, на островах по большей части в одиночестве по несколько солнечных месяцев. Худощавого телосложения, небритый, нестриженный. Ну кем еще он мог стать для нас...

– Все, что необходимо, мне дает природа, – любил повторять Робинзон.

Я даже не удивился, что он был из Питера. Его манера появляться неожиданно и ниоткуда именно в тот момент, когда все садились за стол есть или открывали бутылку с алко-

лем, в дальнейшем тоже перестала меня удивлять.

Виталий его уже знал. Они поздоровались и тут же стали что-то оживленно обсуждать. И, естественно, мы пригласили его к столу, не сильно переживая, хотя и поглядывая с подозрением. В нашей компании на новых людей всегда смотрят с подозрением. Особенно незнакомых, появившихся из леса.

Перекусив и немного выпив, я все же отважился искупаться в том месте, где несколькими минутами ранее плескалась игривая нерпа, временами останавливаясь и наблюдая за нашим пиршеством. Увидев приближающегося к воде человека в красных трусах, она ретировалась и спешно покинула прибрежную территорию. И сделала все абсолютно правильно.

Ступая осторожно по веками обточенным камням, я зашел по пояс в воду и был очень удивлен. Солнце находилось в зените и палило изо всех сил. Голые плечи мигом обрели красный румянец. Ветра с этой стороны берега практически не ощущалось, от него нас закрывал скалистый берег. Но при всем при этом вода не прогревалась совершенно, как в проруби. По телу побежали мурашки. Я собрался, настроился и нырнул с головой. Открыв под водой глаза, я почувствовал себя Ихтиандром. Мои глаза видели сквозь метры, десятки метров прозрачной и холодной воды. Вода заряжала меня,

придавала сил. Она обладала невероятной энергетикой и не скупилась подзарядить ей незнакомого человека. Вынырнув, я почувствовал себя совершенно иным. Готовым на то, на что нырявший несколько секунд назад был просто неспособен. Это было просто фантастически. Она очищала меня изнутри. Я вышел из воды спустя минуту свежим, чистым и заряженным на новые подвиги. Вода смыла с меня все плохие мысли, всю грязь. Нательную и душевную.

Еще, к сожалению, она вымыла весь алкоголь из моей крови и головы. Я вынырнул полностью трезвым, чем был весьма недоволен.

Долго в такой воде плавать нам было непривычно, поэтому спустя несколько минут мы дружно сидели на камнях и грелись. Виталий продолжал беседовать с Робинзоном.

Побродив немного со спиннингами вдоль берега, мы сфотографировались, полазили по гигантским глыбам, лежащим наполовину в этой холодной воде уже не один век, оделись и погрузились обратно в лодку.

Когда мы отплывали, нас провожал взглядом и взмахом руки улыбающийся Робинзон. Когда лодка отплыла на достаточное расстояние, он медленно повернулся и, опустив голову, аккуратно ступая по камням, одиноко побрел вдоль безлюдного берега. Эта картина показалась мне немного печальной. Но он сам выбрал для себя такой путь, значит, ему так хорошо.

Наша лодка двинулась дальше вдоль берега. Разглядывая

могущественные прибрежные обрывы и заводы, я в очередной раз поразился, как невероятно быстро способен меняться местный ландшафт. Густая лесная местность за одним выступом могла смениться открытым просторным пляжем, а бесконечная каменная галька – чистейшим белым песком.

Когда мы оказались дома, на кухонном столе уже через час нас поджидали ароматный суп из свежего хариуса, пицца и пирожки с повидлом. Все остались довольны. Наша компания вообще редко бывает придиричива и радуется всему происходящему при каждом моменте. Радуется мелочам. Поел – доволен, сходил в туалет без резкой боли в почках – доволен дважды, сидишь на стуле, позабыв о геморрое, – тысячу раз доволен. А вкусным ужином и подавно. Доволен, доволен, доволен, доволен.

Отдохнув после насыщенного дня и приема пищи, мы организовали вылазку до ближайшего продуктового магазина, дабы пополнить запасы прохладительного пенного напитка. На вечер. Котенок, все время играющий и бегающий в ногах, увидев, как мы выходим за калитку, решил нас проводить. Он, как опытный скалолаз, прыгнул на ближайшую доску деревянного забора и за несколько секунд, цепляясь своими маленькими коготками, вскарабкался на самую ее вершину.

Все дни, проведенные в этом доме, мы добросовестно выполняли наставления хозяйки и не кормили его. Чувствовали себя последними сволочами, но знали, что так будет правильно. У него свое личное меню. Мелкий хулиган, чувствуя

наше сомнение, напротив, мяукал, бился, терся мордочкой о ноги и строил грустные глазки, лишь все сядут за стол. Но мы были непреклонны.

И сейчас он сидел на заборе, который, к слову сказать, был выше меня и тянулся через весь поселок, меняя за своей спиной лишь дома и хозяев. Мы пошли по улице, и он, ни секунды не раздумывая, двинулся следом. У меня промелькнула мысль, что так выглядят его постоянные приключения, так уверенно он передвигался от дома к дому, не отставая от нас более чем на десять метров. Изредка мяукая в наш адрес, напоминая о себе, он прыгал с доски на доску.

– Дорогу показывает, – пошутил я, указав на уверенно движущегося вслед за нами и гордо задравшего хвост вверх котенка.

– Ну да. Главное, чтобы его собаки дворовые не задрали, – сказал Рома.

– Да не должны, он же местный, вниз не спускается, – уточнил Саша. – А наверху его только другие коты при встрече погонять могут...

Спустя некоторое время забор закончился, и дорога повернула на девяносто градусов. Мы последовали за ней. Котенок остался сидеть на последней доске забора, жалобно смотря нам вслед и изредка мяукая своим писклявым, юным голоском.

«Сейчас посидит немного и тем же путем вернется домой», – решил я, взглянув на эту картину, но не остановив-

шись.

Купив все необходимое, тем же маршрутом мы вернулись домой. Нашего мохнатого провожающего на заборе уже не было. Да и, признаться, на обратном пути все о нем уже забыли. Мы отвлеклись и активно обсуждали завтрашние планы. Идей было предостаточно, а времени в обрез. Нужно было выбирать приоритетные и самые интересные из них, что, в свою очередь, вызвало жаркие споры среди личного состава.

Обсудив все это, выпив пива и придя к каким-то компромиссам, мы разлеглись по кроватям и уснули. Красивые яркие сны вновь посетили меня этой ночью.

День четвертый.

Проснувшись с утра и умывшись, в предвкушении мы ждали завтрак.

– Мальчишки, вы кота не видели? – спросила хозяйка, расставляя на столе тарелки, котелок с овсяной кашей и чай.

Рома покосился на меня.

– Не-е-ет, – слишком подозрительно и протяжно ответил я для того, чтобы ничего не знать. – А что, он пропал?

– Спать что-то так и не пришел, и с утра я его не видела. – Она явно была расстроена. – Покормить хотела, да найти нигде не могу.

– А он на улицу у вас вообще выходит? Может, гуляет где? – осторожно спросил Саня.

– Да ну что вы... Он же маленький совсем. Во дворе сидит все время. Снизу в заборе я все дырки позакрывала, чтобы

он не убежал, а перелезть его ему не под силу. Слишком высокий.

Все дружно переглянулись.

– Я, пожалуй, пойду пока сигарет быстренько куплю, – сказал Саня и встал.

– Мы с тобой, – одновременно ответил я с Ромой.

– Вы чего? Завтрак же готов... Остынет, – возмутилась хозяйка нам вслед.

– Ничего страшного, мы мигом, – прокричал я, закрывая за собой калитку.

Она ничего нам не сказала, но, скорее всего, догадалась, что вина за исчезновение домашнего любимца целиком и полностью лежала на наших плечах. Мы облазили всю улицу, заглянули во все возможные углы и щели, осмотрели весь забор и даже опросили всех попавшихся нам на пути детей. Да, это была исключительно наша ошибка. Наша невнимательность. Так что, кот, если ты это сейчас читаешь – прости нас. Мы не хотели тебя бросать. Мы не со зла. Я до сих пор вспоминаю твой жалобный взгляд и писклявый голосочек, раздающийся с крайней доски покосившегося и выцветшего на солнце деревянного забора нам вслед. Ты перебирал лапками из стороны в сторону, не зная, куда идти дальше, чтобы не отставать. Дальше пути просто не было. Лучше бы я в тот момент не оборачивался и не видел эту картину. Теперь она воспринималась несколько иначе. Как вспомню – сердце кровью обливается.

Котенка мы так и не нашли.

Хозяйке мы так и не признались.

Завтрак и настроение были испорчены. Хотя до конца отпуска я все же продолжал надеяться, что он вернется, выскочит из-за угла или спрыгнет неожиданно с забора. Обрадовав всех своим появлением и привнеся мне в душу успокоения. Или хотя бы его принесут соседи со словами: «Нашли. Не ваш, случайно?» Я надеюсь на это и до сих пор.

Загрузившись в машину вместе с Виталием и его супругой, мы двинулись в путь. Этот день был посвящен дорожным приключениям и был самым насыщенным на события. На более физически легкие события и, как следствие, менее запоминающиеся. Этот день был днем экскурсий и днем фотографий.

Местные храмы, различные святыни. Каменные поля – неведомая природная диковина, когда посреди поля из земли произрастают гигантские камни. Полузаброшенные деревни (ничем не отличающиеся от остальных, усеявших всю России). Деревья, обмотанные разноцветными тряпочками, символизирующими человеческие желания. Родники с чистой водой. Горные быстротечные речки. Облепиха, увешанная оранжевыми спелыми ягодами. Скалы диковинной формы, издали напоминающие человеческие лица или остров Пасхи. Соленые озера...

Мы следовали от места к месту, не успевая скучать. Хотя я и не являюсь большим любителем экскурсий. Стоит мне

только зайти в музей абсолютно любой направленности, как в один миг начинает болеть спина. Вот прямо на входе. Автоматически ноет поясница. Такая вот реакция организма, развитая еще с детства, со школьных экскурсий.

Но здесь такого не было. Мы вели дружескую беседу и ехали, не задерживаясь надолго ни в одном месте. И целого дня было недостаточно не просто для того, чтобы все осмотреть, а даже для того, чтобы просто все объехать. Эта земля наполнена чудесами света. Куда ни взгляни.

Временами мы останавливались на встречающихся реках, доставали спиннинги и прочесывали блеснами эти темные и быстрые воды, так близко живущие с Байкалом, но так от него отличавшиеся. На одной из таких мне улыбнулась удача в виде небольшой щучки. Мелочь, а приятно. Виталий посмотрел на нее и спросил: «Где твоя мама?» В ответ она промолчала.

Снова дорога, снова холмы. Гигантские, средние, маленькие. Снова река, снова остановка. Течение здесь было слишком быстрым, а глубина слишком мелкой, чтобы рыбачить, и мы решили просто прогуляться вдоль берега. Фотосессия, в ходе которой Саша умудрился, фотографируя нас с Ромой, уронить со склона теперь уже мой телефон. Прямо из рук. Тот покувыркался по песку и камням несколько метров вниз, почти до самой воды, но остался цел. На удивление, не получив ни единой царапины. В отличие от Саши, который получил давно напрашивающееся прозвище Убийца Мобильников.

Постояли, покурили, поехали дальше.

К вечеру дорога всех изрядно измотала. Но, проезжая по очередному мосту, мы все же решили дать рыбе еще один шанс. Съехали к воде, остановились, расчехлили удочки. Я, зацепившись практически с первым забросом за подводную корягу и потеряв любимую блесну, сразу успокоился. Сложил спиннинг обратно и сел отдыхать. На этом моя сего-

дняшняя рыбалка закончилась. Ребята продолжали яростно трудиться. Воздух становился прохладнее, особенно у воды. Но это не мешало целым тучам мерзкой и мелкой мошкеры кружиться над нами, не давая ни секунды покоя. Она набивалась в уши и периодически залетала в глаза, доставляя нам, городским людям, невероятный дискомфорт.

– Как же меня замучил этот гнус... – злобно сказал Рома, бесполезно отбиваясь рукой от кружащей вокруг него стаи мелких паразитов.

– Да уж. Гнус покусан гнусом, – добавил я.

Результатом рыбалки за день оказались лишь одна утренняя щучка и куча потерянных блесен. Здесь же, у реки, мы доели остатки ужина, стоя в потемках у дерева, к которому с другой стороны оказалась привязана массивная нижняя челюсть какого-то парнокопытного животного. Создавалось впечатление, что это место – алтарь для жертвоприношения местного племени или секты. Это никоим образом не повлияло на наш аппетит. Доев, мы двинулись в сторону дома. Вот она, финишная прямая.

На въезде в деревню наша машина остановилась у круглосуточного продуктового магазина, Виталий собирался купить что-то домой. Время приближалось к полуночи.

– Леха, иди проверь, не нарушают ли тут российское законодательство?

– Чего? – переспросил я, не поняв сразу.

– Водки сходи, говорю, купи.

– А-а-а.

Я пошел вместе с Виталием. Алкоголь мне не продали, видимо, испугавшись незнакомого лица, и мы в расстроенных чувствах поехали дальше.

Жена Виталия все время ездила с нами и устала не меньше нашего, но, к моему удивлению, дома довольно быстро сумела сварить уху из щуки и пожарить картошки, так что ложиться спать голодными нам не пришлось. Пока мы собирали вещи к завтрашнему дню, она тихонечко пришла, накрыла на стол, пожелала приятного аппетита и спокойной ночи и отправилась спать. Мы радостные бросились разливать по тарелкам горячую и ароматную похлебку. В открытую дверь, явно ради приличия, осторожно постучали.

– Ну, как прошел день? Устали? – на пороге стоял Виталий. Мы так стучали посудой, что даже не услышали его шагов.

– Да, отлично. Немного проголодались и утомились, а так все хорошо.

– У меня тут в холодильнике завалилась... Я пью редко. Просто услышал ваш диалог у магазина. – И он протянул нам наполовину полную (да-да, полную) бутылку водки. – Так. По сто грамм вам к ужину, чтобы спалось еще лучше.

Виталий поставил бутылку на стол и удалился, а мы молча уставились на нее и не сообразили, что нужно сказать в ответ. Это было очень приятно и душевно. Мы поужинали и умиротворенно разлеглись по мягким и чистым кроватям,

накрывшись теплыми одеялами. Спалось действительно хорошо.

День пятый.

Сегодня Виталий должен был отвезти другую группу туристов на острова, расположенные еще дальше полуострова Святой Нос, вокруг которого пару дней назад мы благополучно рыбачили. И предложил закинуть нас на мыс. С ночевкой. А послезавтра, возвращаясь с островов, забрать нас и отвезти в аэропорт, а там – самолет, шесть часов перелета и «Здравствуй, пыльная Москва! Ты скучала? Нет? Я тоже...». Поскольку в запасе отпуска оставалось как раз два дня, мы, недолго думая, согласились.

Перед выездом вновь пришлось посетить магазин, но обычный маленький придворовый для таких целей не годился совершенно. И мы выдвинулись в супермаркет. Оказалось, что в этом поселке он имелся и еще какой... Да, здесь не было многоэтажных домов, даже ни одна пятиэтажка за все время пребывания так и не попала мне на глаза, не везде были асфальтовые покрытия на дорогах, но был, представьте себе, супермаркет.

Причем по своим габаритам он нисколько не уступал известным столичным гигантам, коих я насмотрелся и облазил за свои годы вдоль и поперек. Его здание возвышалось над всеми постройками поселка и располагалось прямо в его центре. Казалось, что сначала появилось оно, а позже люди начали строить свои дома вокруг этого магазина, обживаясь

на новом месте. Отличительной особенностью магазина на фоне всего остального были ярко разукрашенные фасады. К слову, он выделялся из всей серой массы не только своими габаритами, но и радужными стенами, совершенно не вписываясь в общую поселковую стилистику ни размерами, ни цветовой гаммой. Кто и с какой целью его здесь возвел – оставалось загадкой.

Мои ожидания увидеть внутри полупустые залы, незаполненные полки и полное отсутствие покупателей, к счастью, не оправдались. Для обычного буднего дня там было весьма приличное количество людей, хороший персонал, а полки просто ломились от аккуратно расставленного товара. Видимо, он притягивал к себе покупателей со всего района. Супермаркетовская жизнь была в полном расцвете.

Мы схватили у входа тележку и медленно двинулись вдоль рядов, набирая по заранее составленному списку продукты. Все продавцы были одеты в фирменную одежду и вели себя весьма приветливо. По залу ходили работники и различные консультанты. Это было для меня очень удивительно. Как частичка мегаполиса посреди жаркой пустыни. Через час мы грузили купленные продукты Виталию в машину. Он вновь искренне рассмеялся, увидев, как мы берем с собой три пятилитровые бутылки с питьевой водой. После крайнего подъема в горы мы стали брать с собой воду с большим запасом.

– Да там вода в озере чище, чем в этих бутылках! – сквозь

улыбку уверял он.

Мы немного помялись, но воду в итоге выложили обратно. Что ж, попробуем. Аптечка у меня всегда была с собой. А за наличием таблеток (от диареи в первую очередь) и сроком их годности я слежу очень внимательно.

Виталий продолжал грузить вещи в лодку, стоящую на прицепе во дворе, а мы тем временем отправились к планируемому месту отплытия знакомиться с нашими соседями по путешествию. Они уже давно были готовы и ждали на берегу.

Желающих посетить острова оказалось четверо. Две сестры, их мама и жених одной из сестер. Жених оказался французом и по-русски не понимал ничего. Где же довольно симпатичная бурятская девушка умудрилась познакомиться с молодым французом, для меня было загадкой. В дальнейшем мы хорошо разговорились, и я услышал ответ на интересующий вопрос. Он был гораздо проще тех вариантов и предположений, что зарождались в моей дурной голове. Одна из дочерей оказалась всего-навсего (ВСЕГО-НАВСЕГО) студенткой по обмену. И училась уже не первый год во Франции. А на ее историческую родину он прилетел в основном по той же причине, что и мы, – посмотреть восьмое чудо света озеро Байкал (и, конечно же, познакомиться с тещей).

Виталий планировал отвезти их на острова, где нерпы являются доминирующим и массовым обитателем, поставить палатки, организовать стол, ночлег и взять на себя все обя-

занности по организации досуга. Мы же исполняли роли обыкновенных попутчиков и сами себе были любимыми и неизменными аниматорами.

Мы подошли к своим будущим соседям по катеру и поздоровались. От вида трех небритых здоровых мужиков в военной форме, которую в подобные путешествия надевали в обязательном порядке, все немного напряглись. Их мама, как самая опытная, быстро наладила контакт и задала необходимый тон беседе, создав искусственно точки соприкосновения интересов. Она достала из сумки бутылку водки, закуску и со словами «за знакомство» позвала всех «к столу».

Мы, недолго думая, подоставали из карманов складные рюмки из нержавеющей стали, которые всегда держали под рукой именно для таких случаев. Их подарил Рома перед самым вылетом. Очень удобная в таких случаях вещь. Выпил, сложил, убрал в карман и забыл. Когда появляется необходимость – вспомнил, достал. Единственный, но хронический минус такой посуды в том, что, наливая, ее ни в коем случае нельзя касаться горлышком бутылки. Иначе рюмка сложится, а все ее содержимое разольется по столу. Да, такое случается, и да, такое бесит.

Чокнулись, выпили, расслабились. Диалог пошел сам по себе. Легкий, непринужденный, обо всем сразу. Француз слушал и кивал, скорее всего, совершенно не понимая, о чем идет речь. Когда все смеялись, он улыбался в ответ. Его подруга периодически на ухо старалась передать ему суть про-

исходящего разговора. Пил он тяжело, через силу, кривясь, маленькими глоточками, но наравне со всеми. Было видно, что не хотелось отставать и выглядеть не таким. Русская водка не приносила ему должного удовольствия, но ведь на то она и русская.

После небольшого перерыва мама разлила еще по одной. Все по закону жанра. Между первой и второй... Создавалось впечатление, что она давно хотела просто выпить, а с детьми сделать это не получалось. Но тут нарисовались мы, по чьим рожам было видно издалека, что эти не откажутся.

«Умеете, можете...» Я бы еще добавил – «практикуете».

Мы и не возражали. Француз пил в той же манере. Вторая легче не пошла. После третьей рюмки появился Виталий, и все быстро погрузились в лодку. Мы надели спасательные жилеты и, немного охмелевшие, развалились в каюте. Взревел мотор, и лодка поплыла. Влюбленные остались стоять на входе в каюту, где еще недавно стояли и мы, поочередно рассматривая местные красоты.

На озере был штиль. Лишь небольшая рябь блестела и отражалась в глазах тысячами лучей восходящего солнца. Байкал – он каждый день был разный. И каждый раз он поражал мое сердце с новой и новой силой. Я влюблялся в него, как мальчишка в свою первую любовь. Каждый раз он был новым и невероятным. Сегодня – безмятежным и молчаливым. Рассекая его водную гладь, я сам впитывал его энергию, его силу и наполнялся его настроением.

– Так, ребята, у нас небольшой перегруз, – крикнул нам Виталий прямо во время движения, – так что, если остановит патруль, не высовывайтесь.

Он взял с собой бинокль и временами всматривался вдаль, надеясь обнаружить дежурную лодку раньше, чем она обнаружит нашу. Нас это нисколько не удивило.

Спустя несколько часов, подплывая к уже знакомому мысу, мы издалека заметили палатку Робинзона и попросили Виталия высадить нас как можно дальше от него. От греха подальше...

Но все оказалось тщетно. Робинзон заметил приближающуюся лодку.

Выгрузившись на берег, мы попрощались со своими попутчиками и пожелали всем хорошего пути. Виталий передал Робинзону пакет с сигаретами и едой.

– Если встретите – передайте ему, – крикнул он нам, отплывая от берега.

«Если...» Я знал с самого начала, что его было невозможно не встретить. Он ведь целыми днями валялся на полуострове, всматриваясь в чарующую даль, и наблюдал за приплывающими лодками. Чем же еще можно было заниматься там одному целыми месяцами?

«Если встретите...» Да он жаждал встречи с людьми. Хоть с кем-то. В надежде заполучить немного общения и домашней еды. А в исключительных случаях, таких, как наш, – еще и алкоголь с сигаретами.

Понятие «если» в таких случаях не используется, уж я-то понял сразу, как увидел его в первый раз. Тут допускается говорить только «когда». Когда встретите...

Разбив у берега лагерь, все сразу же отправились ловить рыбу. На ужин хотелось отведать приготовленной на костре ухи из свежего хариуса. Ой как хотелось. А сварить ее без рыбы было весьма проблематично.

Первые поклевки не заставили себя долго ждать. Рыба показала свой голод с первых забросов. Сильные тычки, активное сопротивление, красочные всплески, «свечки». Это было именно то, что хочется почувствовать любому рыбаку. Именно то, что поднимает в крови уровень адреналина, то, ради чего люди и берут в руки спиннинги. Это незабываемое ощущение, познав которое хоть раз в жизни, хочется повторять вновь и вновь. Ради этого всего и организовывали поездку. Спустя немного времени мы уже не переживали о вечерней ухе.

Когда я пошел вдоль берега от разбитого лагеря в сторону более диких мест и густых лесов, в поле моего зрения попала небольшая выемка, очень уж напоминающая вход в пещеру. Сверху от яркого солнечного света она закрывалась нависшими деревьями и голыми, подсохшими корнями. Небольшой, но очевидный вход в нее быстро привлек общее внимание.

«Жаль, нет ружья...» – вспомнились слова одной известной песни, как никогда подходившей под ситуацию. Так вся

жизнь и проходила, что ни день, то песня. Оставалось только надеяться, что она будет со счастливым концом.

– Гляньте, – указал я пальцем в ее сторону, – пещера какая-то.

– Пойдем поближе, посмотрим, – предложил Саша.

Маниакальный синдром возможной встречи с настоящим королем этих мест – медведем не покидал меня в отпуске ни на секунду.

«Если это берлога и он неожиданно выскочит, а мы побегим и нырнем в озеро, спасет ли это нас?» – подумал я.

Вряд ли... Совершеннее и универсальнее хищника в современном мире просто не существует (за исключением человека, конечно же, который сам по себе ничтожно слаб от природы, но чрезвычайно хитер и изобретателен). Медведь поистине совершенен. Он воплощение мощи, скорости и силы. От него не убежать, его неуклюжесть весьма обманчива – догонит. Его не победить в рукопашной схватке – он вооружен когтями и зубами размером с человеческие пальцы (вооружен от рождения). От него не спрячешься на дереве, ибо лазает он по ним со скоростью моего бега по стадиону. И, вероятнее всего, от него не уплывешь. Вряд ли существо, которое превосходит человека по всем параметрам, не догонит его в воде. В общем, его превосходство в дикой природе непоколебимо. И если косолапый повстречается в лесу, единственный шанс на спасение – его незаинтересованность в тебе.

В этих местах они встречались нечасто. Но мысль, что из леса за мной постоянно наблюдают маленькие темные глаза, не покидала меня ни на секунду. Из каждого встречного непросматриваемого куста я ожидал неожиданный прыжок в свою сторону большой шерстяной туши.

Мы приблизились к входу в предполагаемую пещеру и остановились, рассматривая его, как нам казалось, с безопасного расстояния.

– Ну че, полезем, глянем, что там внутри? – сказал Саня и двинулся вперед.

Я хотел пойти следом, но тут же был остановлен Ромой. Он прихватил меня за футболку, хитро сощурил глаза и, улыбаясь, отрицательно помотал головой из стороны в сторону.

– Подожди, вдруг там медведь, – тихо произнес он мне и тут же крикнул громче: – Да-да, Саня, давай посмотрим.

Я не смог удержаться и засмеялся. Но с места не сдвинулся.

– Да тут пусто, – сказал Саша у самого ее входа.

– Вот теперь пойдём. – Рома отпустил меня, и мы приблизились к пещере, которая оказалась слишком маленькой, чтобы там мог спрятаться хоть кто-то. Массивный вход заканчивался буквально через метр ровной вертикальной скалой.

Мы двинулись дальше вдоль берега.

Тема медведей в разговорах поднималась довольно часто.

Виталий рассказывал нам, что иногда они сюда забредают. В основном юные особи. Порой, плавая вдоль берега, он замечал их на берегу. Поэтому, согласно инструкциям, мы вели себя все время очень шумно. Чтобы обозначить свое присутствие хищнику, случайно не напугать его неожиданной встречей, тем самым не спровоцировав на атаку. Если быть честным до конца, то шумно мы вели себя и без этой цели. А просто потому, что отпуск и весело.

Пещера была далеко не единственной заинтересовавшей нас береговой находкой. На большом камне, наполовину погруженном в воду, я обнаружил следы растерзанной чайки. Перья, кишки и кровь, размазанная по его гладкой, выточенной ветром, водой и миллионами лет поверхности. А рядом лежала совершенно не похожая на человеческую куча дерма (навоза). Я искренне надеялся, что это не дело рук медведя, но мысль о том, что это был Робинзон, тоже не внушала спокойствия.

Местная фауна не переставала удивлять ни на секунду. Маленькие, громко поющие птички кружились возле, весело прыгая с камня на камень и недоверчиво поглядывая в мою сторону. Хорьки размером с небольшую кошку выглядывали из-за повалившегося дерева в надежде поживиться чем-нибудь вкусеньким. И, конечно же, морские обитатели.

В один миг поклевки неожиданно прекратились. Даже на блеснах, которые посоветовал нам гид. Желтых с черными точками. Именно на них хариус клевал наиболее активно. И

именно по его рекомендации мы скупили их в ближайшем и единственном в округе рыболовном магазине с заоблачными ценами, сумевшими удивить даже жителей столицы. Некоторые экземпляры достигали стоимости в 340 рублей. Но выбора не было, пришлось раскошелиться.

В покупке дорогих наживок оказался скрытый и не сразу проявившийся плюс – мы перестали их обрывать. Неровное каменистое дно озера – просто идеальное место для «зацепов». Острые крючки так и норовят прихватить с собой на берег нечто большое и тяжелое и цепляются намертво за все, к чему прикоснутся. А ледяная вода очень быстро отговаривает тебя лезть туда, буквально за пару шагов, на уровне щиколотки. Этого достаточно для принятия простого решения, тянешь рукой за леску изо всех сил, и случается одно из двух: либо блесна срывается с камня и спокойно продолжает свой неторопливый путь к берегу, либо натянутая до предела леска обрывается, сопровождаясь неприятным тонким звуком, мгновенно ослабляя и снимая с тянущей руки всю нагрузку, оставляя на дне все, что еще полчаса назад ты так аккуратно привязывал. С предвкушающей надеждой. Шансы на оба исхода равны. И, в принципе, любой вариант будет приемлем. С дешевой наживкой. Но с блесной за 340 рублей... все обстоит немного иначе. Зацепилась – раздеваешься до трусов, лезешь в холодную воду, не прогревающуюся, видимо, никогда, громко клацая зубами и держась за натянутую леску одной рукой. И плывешь до места зацепа. Оказавшись

прямо над ним, ныряешь вниз, где температура воды слой за слоем опускается до уровня крещенской проруби, бережно нащупываешь нужный камень и так же бережно отцепляешь от него 340-рублевую блесну. Тут уж ничего не поделаешь.

Выбравшись на берег, ложишься на ближайшую большую каменную глыбу, хорошо разогретую на летнем солнце, и наслаждаешься. Ты молодец, ты победитель, ты почти оттаял и странно счастлив.

Оглядевшись, я быстро обнаружил причину исчезновения в прибрежных водах желанного хариуса. Она была проста и незамысловата. И имела два больших черных глаза и забавную усатую мордашку. Причина аккуратно плыла на спине вдоль берега, не спеша перебирая лапами, с любопытством поглядывая в нашу сторону.

«Если рядом появилась нерпа – рыбалки не будет», – вспомнил я слова Виталия. Мы тут же собрали снасти и двинулись в лагерь. На ужин пойманной рыбы вполне хватало. И на уху, и на закуску.

Я изъявил желание быть поваром. Добровольно. Посмотрев накануне рецепт похлебки, я горел желанием попробовать ее приготовить. А таким желаниям друзья не отказывают. Хочешь готовить – готовь на здоровье. Никто не против. Только не пересоли и позови к обеду.

Помимо ухи, в углях запекалась картошка – неизменное блюдо в каждой вылазке на природу, закуска – уже знакомое нам свежее мясо хариуса с солью и луком и свежие поджаренные кедровые дымящиеся шишки, собранные у соседнего кедрового дерева. Даже сейчас, когда я вспоминаю все эти запахи, ненароком повышается слюноотделение. Эх, вкусно-та.

И вот в час икс, когда горячая ароматная уха была разлита по тарелкам, а коньяк по рюмкам, появился он – Робинзон. Это никого не удивило.

Но отказываться от выпивки и ужина мы не собирались, поэтому, передав посылку, которой он безумно обрадовался, предложили ему сесть за стол. Проявили, так сказать, не совсем чуждое нам гостеприимство.

– Только вот рюмки лишней нет, – пожал я плечами, держа в руках открытую бутылку.

Робинзон не растерялся.

– Да ничего, мне все дает природа, – с этими словами он подошел к ближайшему большому дереву, обошел его. Нашупал на уровне головы небольшое дупло и засунул туда ру-

ку.

Мы молча наблюдали. Тарелки стыли.

– У меня тут заначка просто, – сказал он, ощущая царившее в воздухе недопонимание, и достал из дупла небольшой пластиковый стаканчик явно не первой свежести.

Я расстроился: «Похоже, что он будет бухать с нами».

Робинзон подошел, дунул в стакан, одновременно продезинфицировав и помыв его таким образом, и протянул его мне. Я налил. Все выпили и сели радостно ужинать.

Солнце плавно приближалось к линии горизонта, меняя на ходу свою дивную окраску. Мы сидели вокруг костра сытые и довольные. Алкоголь приятно дурманил голову. Робинзон не умолкал ни на секунду. Ему хотелось наговориться. Казалось, что в его безлюдной и лесной жизни происходило всего интересного в разы больше, чем в нашей. Я всегда относился к таким людям с осторожностью, но если быть честным до конца, то немного завидовал. Я не умею вот так легко и просто вести беседу с незнакомыми мне людьми. Не умею и не хочу. Чтобы начать рассказывать о чем-то личном, мой собеседник должен как минимум быть моим давним знакомым. А лучше – другом... А для Робинзона таких преград не существовало. Он рассказывал все и обо всем.

Например, недавно к нему в гости заплыли двое – парень и девушка. Они плыли на лодке вдоль берега и решили отдохнуть. Встретив Робинзона, все трое сразу подружились (еще бы). И на какое-то время остались на полуострове. Раз-

били рядом с его палаткой свою и стали жить рядом. Ловили рыбу, ели, общались, отдыхали. Все по закону жанра. А самое главное, скорее всего, это и было ключевым моментом их дружбы, привезли с собой пакет «травки» и каждый вечер, сидя на берегу и глядя в невероятное звездное небо и на бесконечный водный горизонт, накуривались. Как скажет один мой друг, «долбанные хиппи». Но, как и любой хорошей сказке, этой пришел конец, поэтому в один прекрасный день Робинзон проснулся с утра и обнаружил, что его друзья бесследно пропали. Предварительно прихватив с собой, как он выразился, все его деньги и нужные вещи. Да-да, я сам удивился, но он настаивал на том, что деньги у него все же были. Хотя, если проанализировать, то сюда через всю страну он как-то добрался, значит, вполне возможно, у него имелись какой-то запас наличных денег и документы. Но это не точно.

И вот с утра он не обнаружил ни палатки своих соседей, ни лодки. А я после этой истории задумался, что нужно быть за людьми, чтобы ограбить ничего не имеющего и живущего отшельником в лесу человека. Бессердечные. Вроде бы. Но не совсем. Как выяснилось потом, они оказались не такими уж и зверьми. Вместо украденных у него двух тысяч рублей (судя по его словам) оставили в подарок от себя небольшое напоминание – пакетик с «травкой». Думаю, это существенно сгладило ему горечь ограбления.

Я воспринял эту историю как небольшой, но очень пока-

зательный урок. Мне урок. Теперь же, когда в моей голове возникает мысль «да кто это здесь возьмет?» или «да я только на минуточку, ничего не случится, здесь же никого нет», я вспоминаю, что нашлись люди, которые умудрились ограбить на необитаемом полуострове ничего не имеющего хиппаря. И думаю: «Да нет, лучше присмотрю, закрою, не пойду... мало ли...»

Гости уплыли, а он так и остался один. Но не бесследно, и через пару дней Робинзона таким же способом навестили уже немного менее дружелюбные люди – российские следователи. Они разыскивали эту парочку и все по тем же причинам – грабеж и распространение наркотических средств. С его слов, он выложил им все, как было, на духу. Вероятно, только не упомянув про оставленный подарок. И к длинному списку злодеяний новоиспеченных Бонни и Клайда, заканчивающемуся кражей лодки, на которой они плавали, добавились его, вероятнее всего, вымышленные две тысячи рублей и какой-нибудь удобный камень. Иначе что еще ценного они смогли вытащить ночью из его палатки.

Чуть позже, этой же ночью, его навестил еще один неожиданный гость, но уже из местных обитателей. В палатку заползла змея. Я сразу же напрягся, узнав, что они здесь водятся, нам встречать и слышать о них до этого момента не доводилось. Но почему бы и нет... И, судя по рассказу Робинзона, после непродолжительного с ней диалога (они договорились больше не беспокоить друг друга) змея удалилась.

Уползла в лес. Говорят, в тех местах такое случается. С накуренными.

Мы тем временем допивали вторую бутылку коньяка. Солнце уже давно спряталось за холмами, но пообещало вернуться. К утру. Вместе с нашей трезвостью. Достав гитару, мы дружно проорали в три хриплых басистых голоса небезызвестную песню «Короля и Шута» про медведя. Она была в этом путешествии тематической и актуальной как никогда.

Наш новый питерский знакомый Робинзон, к моему великому удивлению, слышал ее впервые. Спустя немного времени он попросил сыграть ее еще раз. Я не отказал. Хотя подушечки пальцев, отвыкшие от долгой игры, уже начинали побаливать от жестких натянутых струн, а принятый алкоголь всячески мешал им вставать в нужный момент на нужный лад, изображая кистью акробатический этюд под названием «аккорд». Но это никоим образом не помешало нам проорать еще раз все куплеты. Нескладно, не по нотам, но с душою – а это самое главное.

В этом алкогольном предкостровом сказочном ночном дурмане Робинзон несколько раз порывался показать (почему-то именно Саше) свою палатку. Да так настойчиво, что в какой-то момент я немного запереживал. Видя его незаинтересованность, все же отстал. Мы и днем не испытывали большого желания и интереса знакомиться с его дивным бытом. А в крошечной темноте – и подавно.

Сидя здесь, на краю полуострова, на берегу самого красивого пресного моря, глядя в играющее на ветру пламя костра, слыша вой ветра и легкое потрескивание исчезающих в пламени сухих веток, я временами поворачивался лицом к темному лесу и проводил по траве ярким лучом своего фонаря. Он стоял вокруг черной непроглядной стеной, и только проблески разгорающегося костра отвоевывали у ночи точку прилегающей территории, но ненадолго. Зрелище было захватывающим и пугающим. Луч света справлялся лишь с первыми рядами веток и кустов, а дальше он растворялся в темноте. Но и этого оказывалось достаточно, чтобы выхватить из лесного царства два ярких отблеска больших хищных глаз. Привлеченных вкусными запахами и непонятными для этой местности звуками из самых глубин леса. Кто это был, я не знаю. Рассмотреть детально нашего гостя так и не удалось, он надежно скрывался в родной стихии на безопасном для себя расстоянии. Лишь луч фонаря, отражаясь от его взгляда, выдавал нам его присутствие. Незванный гость весь вечер бродил в темноте вокруг лагеря, прислушиваясь, принюхиваясь и поглядывая с голодным любопытством в нашу сторону. Для него незваными гостями были только мы. Зверь знал, что его обнаружили, но не убегал. Лишь ненадолго отходил немного назад, поглубже в лесную гущу, ожидая. Затем снова приближался. Я видел его каждый раз, взяв в руки фонарь. Жути происходящему добавлял тот факт, что это была лишь окраина леса. Страшно себе представить, что

тебя могло поджидать там, в глубине. Какие еще глаза могли наблюдать за тобою, так и не выдав своего присутствия. В любом случае проверять это никто из нас не планировал. И в туалет все ходили у ближайших кустов, в зоне мерцающего света от костра.

Я надеюсь, что это все-таки была лиса. Обыкновенная рыжая лиса.

Надеюсь...

Ночью алкоголь закончился (так всегда бывает), Робинзон высказал мысль, что мы плохо подготовились – взяли всего две бутылки коньяка, не посчитали порцию на него, пожелал всем спокойной ночи и удалился. Мы остались сидеть у огня, наслаждаясь живой тишиной, погруженные в свои мысли и приятную свежую атмосферу.

Первым ее царствие нарушил Рома, предложив сходить в ближайший магазин за добавкой, и выдвинул свою кандидатуру как провожающего:

– Я тут одну тропу знаю...

Это означало лишь одно – что кондиция достигнута и никуда ни в коем случае идти не следует. Хотя в такой дали от цивилизации о подобном можно и не переживать. Но все-таки... Мы с Саней идею пересекать ночью вплавь холодный Байкал (брр-р-р), чтобы добраться до магазина и продолжить пить, не поддерживали (даже шутку развивать дальше не стали) и отправились спать, благоразумно прихватив с собой в палатку все колюще-режущие предметы со стола.

Слишком уж подозрительным и чудным был наш сосед на полуострове.

Рома некоторое время сидел у костра и думал о чем-то своем, вглядываясь в причудливый огненный танец, затем залез в сумку с едой, достал сосиску, насадил ее на тонкую, заранее приготовленную ветку и опустил над костром. Ну, проголодался человек, ничего тут не поделаешь. Сосиска медленно волдырилась, покрываясь тонкой хрустящей, но аппетитной корочкой.

После одинокого ночного ужина он пришел к нам в палатку и завалился спать, благополучно разбудив всех своими разговорами и долгими укладываниями. Его совершенно не смущал тот факт, что мы уже крепко спали.

Саша оказался посередине, и ночью ему неожиданно стало плохо. В последней отважной попытке успеть сделать это не в палатке, он перевалился через меня и быстро расстегнул палатку. Его стошнило (надеюсь, что не от моей ухи). И весь этот процесс сопровождался странным, но забавным булькающим звуком. Было весьма непривычно, что это оказался Саша, обычно после сильных пьянок в такой ситуации оказываюсь я. Мы дружно заржали.

– Извиняюсь, извиняюсь... – сказал он, укладываясь спать обратно.

– Ихтиандр, не забудь завтра палатку переставить, а то все чайки в округе на твою прикормку слетятся, – сказал Рома.

– Надеюсь, что она ночью никаких падальщиков не при-

влечет, а то почуют ослабленное существо, – добавил я, и мы захрапели.

Утром голова казалась слегка утяжеленной. Воздух был свежим и прохладным, а небо чистым. Солнце продолжало свой путь, только теперь вверх, попутно обогревая все, к чему могло прикоснуться своими бескрайними лучами. Можно было вновь снять надетые вечером шапки, свитера и куртки и идти купаться. Что мы и сделали.

Заряженная невероятной энергией байкальская вода выполнила свою функцию в одно мгновение, для этого нужно было, невзирая на холод, прыгнуть туда с головой. Спустя несколько секунд я вынырнул на поверхность свежим и полным сил. Головная боль, мучившая меня еще несколько мгновений назад, смылась и бесследно растворилась.

Ближе к завтраку в наш лагерь вновь наведался Робинзон, но нужно отдать ему должное – не с пустыми руками. Принес он с собой свежезакопченного хариуса. Как и при каких обстоятельствах ему удалось это сделать, я не знаю и стараюсь не думать об этом, но рыба было безумно вкусная. Ее вообще, как оказалось, довольно тяжело испортить, хотя мы всячески старались. В ходе небольшого диалога всего лишь одной невзначай брошенной фразой Робинзон вновь умудрился разрушить появившееся в ходе вчерашней пьянки к себе доверие и восстановить первоначальное напряжение в полном объеме (и даже большем).

– Ты вчера еще сосиски ночью жарил, да? – спросил за-

чем-то он у Ромы.

У всех перед глазами прорисовалась картина наблюдавшего, подобно хищному зверю (или извращенцу), из темноты Робинзона за жующим возле костра сосиску и ничего не подозревающим Ромой.

«Хорошо хоть, убрали все острые предметы в палатку», – подумал я.

Что он пытался этим сказать и для чего караулил нас в кустах, так и осталось загадкой. Случайно оказаться там было невозможно, слишком уж далеко друг от друга располагались наши лагеря. Заходить так далеко в туалет не имело смысла, а с нами он попрощался и давным-давно ушел. Он просто сидел там, в темноте, все время, пока мы досиживали у костра, пока укладывались спать, пока Рома ужинал, и наблюдал. Странно и жутко думать об этом сейчас. Больше поодиночке по полуострову мы не передвигались.

А потом еще люди называют нас чересчур недоверчивыми...

Помимо этого разговора, день прошел хорошо и спокойно. Рыбачили, пообедали, жарили кедровые шишки. Рыба клевала не очень активно, но это совершенно не расстраивало. Главное – получать удовольствие от процесса. Отдых есть отдых. Купались, если минутное плескание в холодной воде можно было называть таким словом, потом отогревались, обхватив руками гигантские камни. А к вечеру, уставшие, но довольные, собрали все вещи и уселись в одних толь-

ко трусах на берегу, всматриваясь на фоне заходящего солнца в линию горизонта в ожидании появления маленькой, но быстрой лодки, движущейся в сторону нашего берега. И Виталия за штурвалом. Необъятные просторы озера мирно покачивались на ветру.

Кидали камни в воду, пытаясь заполнить свой досуг, считая, чей из них больше раз подпрыгнет над ее поверхностью. Рому заинтересовал камень, по своей форме очень напоминающий сердце. Вернее, то, каким его везде изображают. Я видел настоящие сердца, ничего схожего с этим они не имели, но данная находка удостоилась нашего внимания. Вновь этот символизм, который я безумно обожаю и вижу в каждой детали. Даже если им там и не пахнет. Пофотографировав каменное сердце, мы оставили его на берегу. На этом прекрасном полуострове, в этом чудесном месте.

Виталий прибыл с двухчасовым опозданием, заставив нас немного понервничать. Мы погрузили вещи, поздоровались с уже знакомыми нам пассажирами и двинулись в путь. Вслед за лодкой в расходящихся в разные стороны волнах от нас удалялся полуостров Святой Нос с маленькой синей палаткой на берегу. С Робинзоном мы прощаться не стали.

Но отпускать нас спокойно в планы Байкала не входило. На прощание он решил показать нам свой характер, свою силу, в которой я и без этого ни секунды не сомневался. Спустя всего полчаса пути все небо заполнили черные тучи, а порывы ветра подняли волны над совсем еще недавно ровной поверхностью воды на высоту, превышающую нашу лодку. Вода почернела вслед за облаками. На озере разыгрался самый настоящий шторм. Я думал, такое бывает лишь в море.

Лодку качало на волнах, как бумажный кораблик. Виталий скорректировал наш курс и поплыл вдоль берега. Так оказалось намного дольше, но безопаснее. А учитывая небольшой перегруз и то, что в каюту периодически залетала мокрой холодной стеной макушка от встречных волн, все немного напряглись.

В итоге, благополучно добравшись до берега, все вздохнули с облегчением, вступив на твердую землю. Но только стоило нам это сделать, как облака начали рассеиваться. Лучи заходящего вечернего солнца освещали нам путь к дому. К этому времени на моей одежде уже не осталось ни единой сухой ниточки. Это не страшно. Это просто Байкал с нами попрощался, помахав нам в дорогу рукой.

Собрав ночью вещи, мы попрощались с хозяйкой, рассчитались и двинулись к аэропорту. Повез нас Виталий. Это оказалось дешевле, чем на такси, а маршрутки в такое позднее время уже не ходили. К тому же у него в городе назрели личные дела. К утру мы оказались в аэропорту на несколько часов раньше начала посадки. Пожали руку нашему бессменному гиду и водителю в одном лице, пообещали обязательно вернуться и пошли внутрь. Собираясь куда-то лететь, всегда лучше прийти на самолет немного пораньше, чем немного попозже. Мы так и поступили. Внутри не было ни души, и мы благополучно развалились на скамейках в зале ожидания досыпать свои потерянные часы сна.

Посетив открывшийся в аэропорту сувенирный магазин,

я прихватил домой пару магнитов (бесполезная и никому ненужная классика) и «смолку» – это такое подобие жевательных подушек, очень похожих лишь своей упаковкой и формой. Внутри находилась затвердевшая смола различных деревьев в чистом виде. Не очень популярная штука. На любителя. На такого любителя, которым даже я не оказался. Думаю, если поискать ее сегодня дома, по прошествии стольких лет она до сих пор валяется где-то в письменном столе. Попробовав ее, вначале ощущаешь довольно приятный вкус хвои, но, если пожевать немного дольше, «смолка» коварно липнет ко всему, что к ней прикасается. К нёбу, к языку, к зубам... Выковыривать все это потом изо рта – занятие не самое приятное. Удовольствие интересное, но весьма сомнительное. А если еще сверху глотнуть холодной воды... Неподражаемое и неповторимое. Смола в одно мгновение затвердевает. Создается иллюзия того, что ты грызешь кусок промерзшей сосновой коры. В общем, никто не оценил.

Объявили начало посадки на наш рейс, мы сходили «на дорожку» в туалет, где на указателе были изображены три фигуры. Девушка, мужчина и инопланетянин. Руководство аэропорта оказалось с чувством юмора, раз допускает такое. Похвально и забавно.

Поднимаясь по трапу в самолет, еще раз оглянулись, вдохнули полной грудью.

– Ну что? Возвращаемся в пыльную Москву? – с грустью в голосе подытожил я.

Никто не ответил. Да и ответа на этот вопрос не требовалось. Было очень тоскливо покидать этот край. Всего за неделю Байкал умудрился выбить себе уютное и не самое маленькое место в моем сердце и моей душе. Намного уютнее своего климата. Резко континентального. Да, он прочно поселился там вместе со своими бескрайними просторами, каменными полями, могучими ветрами и беспощадно палящим солнцем. С хорошими и общительными людьми. С их добротой и гостеприимством. С голубым небом, мириадами звезд, чистой водой и со своими глазастыми морскими и лесными жителями, чью среду обитания хочется не просто сохранить для себя и будущих поколений, но и как-то приумножить. Со своей суровой и иногда жестокой дикой природой. Со своей возвышенной многовековой тишиной и переменчивой погодой. Со своей необычностью и неповторимостью. Вряд ли где-то еще в мире можно повстречать нечто подобное. Такого больше нет.

«Прощай, Байкал, ты будешь снится долго мне», – подумал я, глядя на него из самолета в последний раз. И это оказалось правдой.

Когда я, сидя дома, спустя почти семь лет вспоминал все и писал этот рассказ, было невероятно легко и приятно. Как на бумаге, так и на душе. Мне не пришлось совершенно ничего придумывать. Я просто сидел за столом на кухне, вгля-

дывался в окно на стоящие напротив дома, колышущиеся на ветру деревья, периодически пролетающих по небу птиц и мысленно погружался в эти мягкие и прекрасные воспоминания. Что-то появлялось в память в один момент, резкой вспышкой. И такой яркой, будто произошло все это только вчера. Что-то не получилось сохранить в первоизданном виде, и оно всплывало с трудом, расплывчатым и мутным. И приходилось его немного дорисовывать. Но в любом случае я хорошо порылся в чертогах своей такой непостоянной памяти и получил от этого несравненное удовольствие. Она поистине удивительная штука. Я могу напрочь забыть действие или слова, сказанные только что, но при всем этом память может хранить в себе годами разговоры, случившиеся много лет назад. Детально. До каждого сказанного слова, каждого движения, каждого взгляда. Возможно, даже не имеющие большого значения или сказанные в алкогольном дурмане. Но она это сохранит. Для чего? Я не знаю. Но в любом случае это удивительно.

Находясь в своем теплом и уютном кресле с шариковой ручкой и обыкновенным листом в руках, я искренне улыбаюсь. И надеюсь, что главные герои этой истории, прочитав ее, будут чувствовать себя так же. Ощущать душевное равновесие, спокойствие и умиротворение. Да, здесь не произошло ничего, что могло бы ее опечалить (кроме потери котенка), что могло бы ее очернить. Она наполнена любовью и гармонией. К природе, к себе, к окружающему миру и, в

конце концов, к людям. В подтверждение сказанного на подоконник рядом со мной запрыгнул кот и завалился всей своей откормленной тушей прямо на разложенные и уже исписанные страницы этой рукописи. Не без труда я вытащил их из-под его нахальной, но весьма довольной жизнью морды. Одарив меня своим взглядом, кот тут же замурчал. Простил своему рабу его невежество.

Перенося все произошедшее там на бумагу, мне пришлось пережить это путешествие вновь. От начала до конца. И оно того стоило.

Быть может, в этом и заключается таинственный дар писателей, познать который я мечтаю всю свою жизнь. Они могут создавать людей, истории и целые миры. Жить там вместе со своими героями, и не только самим, но и погружать в них за руку своих читателей. Раньше я часто отправлялся в подобные приключения, но только с одной стороны. Это как будто садишься в катапульту, прямо на камень, и запускаешь сам себя вверх. Причем в полете ты начинаешь осознавать, что летишь внутри своей головы, там, где не существует никаких границ, а под твоими ногами, в том месте, где должны мелькать поля и леса, может оказаться что угодно. Все, что ты захочешь и придумаешь, все, что ты вообразишь, или все, что ты вспомнишь, как в данном случае.

А я продолжаю парить по небу на своем камне и надеюсь, что делаю это не один. Надеюсь, что вы сидите рядом со мной, крепко держась, и наслаждаетесь происходящим.